

ЕГО

М. Альвина

Чужие секреты
разрушили её мечты..

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЁНА ЧЕРНИЧНАЯ

Алёна Черничная Его М.Альвина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69488101

SelfPub; 2024

Аннотация

Даниил избалованный, богатенький мальчик, оказавшийся на мели, а я всего лишь студентка консерватории. Что может нас объединить? Всё просто. Одна квартира на двоих и война за её территорию, которая быстро перерастает в ярко вспыхнувшие чувства. Только у Данила есть секреты. И настолько гнилые, что за одну роковую ночь смогли разрушить все мои мечты...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	64
Глава 11	72
Глава 12	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Алёна Черничная

Его М.Альвина

Глава 1

– Мальчевская! – слышу через переплетение мелодий гневный возглас и испуганно вздрагиваю, убирая руки с белых клавиш.

У меня инстинктивно возникает желание сжаться до размеров Дюймовочки. Звуки инструментов вокруг замолкают на хаотичный лад. Все. Сейчас будет полный ахтунг. Да сохрани всех Чайковский!

Наш дирижёр с размаху бьет ладонью по партитуре*, поворачиваясь ко мне, и вздрагиваю уже не только я, но и весь оркестр.

– Где всепоглощающий огонь? Где крещендо? Твоя темноволосая башка хоть знает что это такое? Или за пять лет ты ничему не научилась? – Мужской крик взрывом разносится по концертному залу и растворяется в его темноте.

– Это постепенное усиление звука, – тихо произношу я, утыкаясь взглядом в длинный ряд черно-белых клавиш.

– Тогда в чем проблема, Мальчевская? Ты забыла, что это концерт для фортепиано с оркестром? Все должны слышать в первую очередь тебя, а не вон, – Аристарх Григорьевич ты-

кает наобум пальцем в пухленького парня виолончелиста в среднем ряду, который тут же белеет от страха, – какого-то Васю Пупкина.

– Просто... – нервно начинаю быстро сочинять себе оправдание. Не могу же я сказать, что весь час репетиции меня отвлекал постоянно вибрирующий телефон, в заднем кармане джинсов. Наличие гаджетов на занятиях у самого мэтра нашего университета – Аристарха Граховского сравнимо с приговором на расстрел. Лучше уж сознаться, что я – бездарь. – Просто немного растерялась, – жалобно выдыхаю, подняв, наконец, взгляд на седовласого мужчину в элегантном чёрном пиджаке, накинутом поверх тёмной водолазки.

Стоя в окружении тридцати, покорно сидящих, напуганных студентов и их музыкальных инструментов, Граховский резко хлопает ладонями:

– Всё! Достали! Репетиция закончена. А ты, Альвина, – глаза мужчины суживаются и прокалывают меня взглядом, а и без того крючковатый нос делает его похожим на седого ворона. – Поняла меня, да?

Вообще-то нет, но уверенно трясую головой в согласии, дабы не вызвать адское пламя гнева Граховского. Одним взмахом руки он заставляет рассыпаться по залу всех студентов в обнимку со своими инструментами. Кто со скрипкой, кто с виолончелью, а мне же вообще проще всех. Достаточно опустить крышку огромного чёрного рояля, запихнуть ноты в сумку и выскользнуть налегке из-под тяжёлого

взгляда Аристарха Григорьевича.

Миновав в зале десятки пустых рядов с креслами, я тут же хватаюсь за телефон, все ещё плотно прижатый к моей правой ягодице джинсами. Хотелось всё-таки узнать, кто так упорно все полтора часа репетиций мучил мой телефон режимом «вибро».

Стоит едва взглянуть на экран, как глаза настороженно округляются от количества пропущенных от абонента «Крис». В мыслях тут же проскакивает что-то предостерегающе неприятное. Вряд ли моей подруге стало так скучно на Бали, что настолько не терпелось потрепаться со мной по телефону.

Обычно она звонит раз в неделю, чтобы узнать все ли нормально с её квартирой в центре города, за которой я одновременно и присматриваю, и живу. А живу, между прочим, очень даже мажорно. Бесплатно. Спасибо за это крепкой дружбе, начавшейся ещё с горшка детского сада и неумной энергии Кристины, которая и толкнула ее рвануть на ближайший год на Бали со своим парнем, очень перспективным айтишником-фрилансером.

И как только стал вопрос об отъезде, то Крис, не раздумывая, озвучила мне весьма заманчивое предложение.

– Сдавать квартиру не хочу, а оставлять совсем без присмотра страшно. Тебе всего лишь надо платить по счётчикам и хотя бы раз в неделю убирать. Все же круче, чем ты сейчас теснишься в общежитии, в которой постоянно какая-то

какофония звуков. Жуть, – поморщилась она, но продолжила уверенно скидывать все свои имеющиеся купальники в чемодан, пока я, задумчиво расположившись на её удобной кровати, осматривала новенький, современный ремонт.

Просторная, светлая квартира, шикарный вид из окон на Дон и набережную. Кто стал бы отказываться от такой перспективы после четырёх напряженных лет жизни в обшарпанном общежитии музыкального университета? Поэтому меня можно назвать «хозяйкой» трёхкомнатных апартаментов, доставшихся Крис в наследство от бабули.

Пока быстрыми шагами пересекаю широкий коридор, заполненный толпой студентов, использую парочку тщетных попыток дозвониться до Кристины. Но слышу только раздражающе длинные гудки. Состроив недовольную рожицу ее аватарке на экране телефона, я снова прячу его в сумку. Надо будет – дозвонится до меня сама.

Со спокойной душой я выскакиваю из душного холла консерватории в невероятно тёплый для конца сентября вечер. Даже в свободном свитере рыхлой вязки и джинсах скинни все еще комфортно. И, наконец, я первый раз за день облегченно выдыхаю, мечтая просто уже доползти до дверей квартиры. Сколько километров пробегают мои пальцы по клавишам рояля за время репетиций трудно и подсчитать.

Добравшись до типичной многоэтажки, спрятанной среди узких ростовских дворов, я мечтаю лишь о доставке пицце на ужин и расслабляющем душе. Но все мечты о еде и вод-

ных процедурах очень быстро рассеиваются миражом, как только оказываюсь на тринадцатом этаже, а ключ попадает в замочную скважину массивной двери.

Я удивленно осматриваю ее, когда слышу всего один оборот замка, вместо трех, в то время как дверь легко распаивается сама. Хватает всего одного шага, чтобы застыть прямо на пороге квартиры. По позвонкам проносится ледяной вихрь, а ноги моментально становятся деревянными.

Меня встречает не привычная тишина комнат, а незнакомая спортивная сумка, валяющаяся прямо посреди коридора, бьющая полоска света из приоткрытой двери в ванной и шум льющейся воды. Я словно прилипаю подошвой ботинок к придверному коврику, пока ко мне потихоньку начинает подкрадываться паника. Замок, сумка, свет и шумящая вода в ванной... Боже... В квартире точно кто-то есть. И этот «кто-то» сюда никем приглашен не был. Домушник? Маньяк? Да какая разница кто? Лучше просто бежать...

Но едва эта идея успевает посетить мои мысли, как звук льющейся воды затихает. Темный коридор озаряется ярким потоком света, а мое дыхание перехватывает так резко, что пол под ногами окончательно теряет твердость. Я бы очень хотела, чтобы мне это всего лишь показалось, но...

Полуобнажённая, высокая, невероятно широкоплечая и мускулистая мужская фигура, придерживающая одной рукой полотенце вокруг бедер, появляется в дверном проеме ванной комнаты. Сделав шаг вперёд, совершенно незнако-

мый парень расслабленно взъерошивает свободной ладонью влажные пряди темных волос, поднимает голову и замирает прямо напротив меня.

*Партитура – нотная запись многоголосного музыкального произведения.

Глава 2

Несколько секунд в квартире царит оглушающая тишина. На скуластом лице парня отражается весь спектр недоумения, а потом его глаза широко распахиваются и он выдаёт то, отчего липкий страх окончательно сковывает моё тело.

– О, привет. Ты уже пришла. А я тебя ждал, – хрипло басыт полуголый незнакомец, делая шаг вперёд.

А у меня едва получается сложить звуки в слова.

– Не подходи, – хочу попятиться из квартиры, но упираюсь спиной в угол дверного откоса.

Не переставая следить взглядом за движениями полуголо-го парня напротив, каким-то чудом рукой нащупываю зонтик-трость в подставке рядом, хватаю и угрожающе выстав-ляю вперёд.

– Не подходи, – мямлю уже более уверенно, но руки и но-ги, как свинцом налитые.

– Станный способ познакомиться, тебе не кажется? – он удивлённо хмурится, но и не думает стоять на месте.

Кошмар, это ведь настоящий маньяк! Плюс ещё один шаг ко мне, и, наконец-то, у меня срабатывают инстинкты само-сохранения. Со всего размаху я, как шпагу, вонзаю наконеч-ник зонта прямо в голый рельефный пресс домушника, по-падая точно в солнечное сплетение. И этого хватает, чтобы этот извращенец, выпучив глаза, сложился пополам с глухим

стоном.

Не дожидаясь пока он очухается, я тут же пытаюсь выбраться из квартиры в подъезд. Но все происходит словно в замедленной съёмке. Каждое моё движение тягучее, тяжёлое. «Боже, помоги!» – стучит в голове, когда я открываю дверь, готовая рвануть на свободу. Делаю один спасительный шаг и набираю полные лёгкие воздуха:

– Помогите! – отчаянно ору на весь подъезд, а эхо разносит мой крик дальше. – Помогите...

Но меня резко дергают за руку и затягивают обратно в коридор, а перед носом захлопывается спасительная дверь.

– Ты дура, что ли? – Почему-то со смехом раздаётся низкий голос над ухом, а в моей груди окончательно камнеет страх.

Я без разбора начинаю размахивать кулаками вокруг себя, даже не ориентируясь, куда и по чем бью. Парень выше меня на полголовы точно, но парочку раз все же заряжаю по каменным плечам и груди извращенца. Но одним махом он перехватывает мои воинственно парящие в воздухе руки за запястья и, как в танце, прокрутив меня на сто восемьдесят градусов, оказывается за моей спиной. Сквозь рыхлую вязку свитера ощущаю жар обнажённого мужского торса и терпкий аромат геля для душа. Мне кажется, что этот незнакомый запах за секунду пропитывает кислород в легких, вызывая неконтролируемое головокружение. Из последних сил пытаюсь размахнуться локтем, чтобы нанести очередной удар, но

его ручищи обездвиживают и удавкой прижимают к себе.

– Пусти! — визжу до ультразвука, понимая, что меня, словно пушинку, затаскивают вглубь квартиры. — Урод!

– Да угомонись! Ты чего творишь? — Продолжает смеяться мой захватчик, но встряхивает меня всё-таки чересчур грубовато, что перед глазами все разом плывет.

Сдаваться этому подонку не хочется аж до резкого прилива сил. Собрав весь свой страх и желание жить в кулак, я без раздумий вонзаю зубы в мужскую руку, крепко окольцевавшую мою грудную клетку. Вонзаю так, что даже слышу какой-то мерзко хрустящий звук. Взревев от боли, парень тут же ослабляет «объятия», а я вырываюсь из его мощных лап.

Единственное что приходит в мой, заполненный отчаянием ум — это рвануть вперёд по коридору и забаррикадироваться в ванной. Спотыкаюсь о чужую спортивную сумку, умудряюсь кое-как сохранить равновесие, влетаю в небольшой санузел, который все ещё заполнен горячими клубами пара и защёлкиваю за собой дверной замочек.

Запершись, я вжимаюсь в самый дальний угол, как загнанный зверек. Сквозь свои же громкие вдохи и выдохи пытаюсь прислушаться к тому, что происходит за закрытой дверью в коридоре. Сколько у меня времени прежде чем, он сможет все-таки ворваться сюда? Две? Три? Десять минут? Но за дверью подозрительно тихо. Я в панике спешно шарю взглядом по ванной в поисках чего-нибудь, что может помочь нейтрализовать мне моего противника. Зубная щётка,

мочалка, ершик... Боже, я пропала. Меня полностью поглощает паника. Но ещё дрожащими руками выуживаю мобильный, чтобы набрать номер полиции.

– Никита, блин! Какого черта ты не сказал, что она придурочная? – Слышу громкие возмущения за дверью и тут же настораживаю слух от знакомого имени. – Да мне плевать! Пусть твоя Кристина звонит ей сама! Эта неадекватная меня вообще укусила!

Я изумленно замираю. Никита...Кристина... Слишком подозрительное сочетание этих двух имен в одном разговоре. Но я даже не успеваю что-либо обдумать, как в руках оживает телефон, на экране которого сияет надпись «Крис», а на фоне пальм мне улыбается знакомое лицо со вздёрнутым носом и шикарной белокурой копной кудряшек.

– Аля! – вопит голос из динамика, стоило только ответить на звонок. – Что у вас там происходит? Ты где вообще сейчас?

«У вас?» – эта фраза цепляет слух, заставляя ещё сильнее напрячься.

– Крис... – хриплю в ответ, но подруга перебивает на полуслове и тарыхтит без умолку.

– Ты уже дома? Аль, только не обижайся и выслушай. Ник очень просил, а я не смогла отказать. Но это временно, правда! Он сказал, что ручается за Данила головой.

На секунду я подвисяю, пытаюсь уловить в потоке слов подруги смысл, и не свожу взгляда с двери, за которой все ещё

слышится отборная брань.

– Какого Данила? Ты о чем?

– Блин, Аль, прости-и-и, – хнычет Кристина. – Ник на пару дней рванул в Россию, встретился с другом, а у него какие-то проблемы. И... И... – она мнетя, но все равно озвучивает. – В общем, Даня забрал запасные ключи у моей сестры. Я как бы несколько часов звоню тебе, чтобы предупредить об этом...

– Что ты сделала? – перебиваю я её, а в голове все никак не хочет складываться такой уже понятный пазл.

– Не убивай меня, – так виновато тянет подруга. – Но я разрешила Данилу пожить в моей квартире.

Глава 3

Меня насквозь прожигают взглядом орехового цвета глаза. Широкие скулы на мужском незнакомом лице напряжены так, что прикоснись – порежешься. Тот самый незнакомец из ванны вальяжно сидит прямо напротив меня по-прежнему полуголый, прикрыв полотенцем лишь все, что находится у края тёмной дорожки волос внизу живота. Сидит, потирает укушенную руку и смотрит так ненавистно и жутко, что хочется снова забиться куда-нибудь в угол. Но нас разделяет широкий массивный стол, по разным сторонам которого мы буравим друг друга глазами. А ещё повисшая тишина и мой телефон, связывающий по громкой связи уютную кухню-гостиную и Бали.

– Ау, вы здесь? – наконец, раздаётся голос Кристины из телефона после продолжительного молчания.

Я не отвечаю и лишь сильнее скрещиваю руки на груди. Мне и сказать-то нечего. Такой подставы я не ожидала.

– Да здесь-здесь, – вздыхает мой «наильник», не переставая растирать ладонью место укуса чуть ниже локтя. – Просто вот думаю, сколько укусов от бешенства теперь полагается. А, может быть, твоей подруге вообще придется у меня отсосать.

От такого похабного хамства лишь ошарашенно ахаю. Заметив, как испуганно я округляю глаза, Данил demonstra-

тивно поднимает руку с припухшими следами от моих зубов и, криво усмехнувшись, спокойно добавляет:

– Я про яд, а ты про что подумала?

– Идиот, да я даже извиняться не буду, – шиплю в ответ. – Нечего было руки распускать и хватать меня.

– Нечего было орать на весь подъезд. – Голос Данила жесткий, с откровенными нотами неприязни. Мой новоиспеченный сосед подается вперед голым торсом, приподнимаясь над столом. – Полоумная.

– Полоумная? – Я инстинктивно приподнимаюсь со стула, опершись ладонями о стол. Стоя по обе его стороны, мы продолжаем буквально грызть друг друга взглядами, высекая ненавистные искры. – Да откуда я знала кто ты и что здесь делаешь? Вышел вообще полуголый на порог!

– А ты думаешь маньяки и воры ходят по чужим квартирам душ принимать?

– Да в моем душе не должно было быть ни маньяков, ни воров, ни тем более тебя

– Поздравляю! Теперь буду я!

– Стоп! – голос Кристины врывается в нашу перепалку. – Вышло глупое недоразумение. Дань, я просто не успела предупредить Альку о тебе...

Я возмущенно перевожу взгляд на мобильный, вещающий голосом подруги. Вот как? Так легко и просто, значит: «Дань, я не успела предупредить». Она еще перед ним извиняется!

– Я с ним жить не буду, – твёрдо заявляю, готовая испе-

пелить глазами аватарку абонента Крис на экране

– Да не живи. Где дверь показать? – нахально усмехается Данил.

Я цепляюсь пальцами за край стола и медленно считаю про себя до пяти, не поднимая взгляда на физиономию напротив. Видеть сейчас, как она самодовольно лыбиться, хочется меньше всего. Злость, кажется, вот-вот паром хлынет из моих ушей. Я ведь в страшном сне не могла представить, что подруга решит подкинуть мне сожителя.

– Кристина, а тебе не кажется, что... – с чувством начинаю цедить каждое слово, но она перебивает меня.

– Альвина, убери с громкой связи телефон. Поговорим.

Всё ещё ощущая на себе колющий взгляд «маньяка», я хватаю смартфон со стола и вылетаю из гостиной, попутно отпихивая ногой с прохода, все еще валяющуюся на полу, спортивную сумку. Несчастные пожитки, выписав пирует на гладком ламинате, останавливаются в углу коридора, а мне в спину прилетает гневный окрик Данила:

– Ты вообще нормальная, а?

Была. Пока моя лучшая подруга не решила все за меня. Сейчас я готова рвать и метать лишь от одной мысли, что Кристина не шутит, а тот, кто остался сидеть в гостиной, вдруг стал моим соседом.

Захлопнув за собой дверь спальни самой хозяйки дома, в которой я и обосновалась с момента переезда в эту квартиру, с размаху усаживаюсь на идеально заправленную белоснеж-

ным покрывалом кровать.

– Говори, – холодно цежу Кристине, которая все еще ждет по ту сторону динамика телефона.

– Аля, – слышу ее виноватое бормотание, – не злись. Но я не могла отказать Никите.

– Ты серьезно? Он действительно будет жить здесь?

– Всего неделю. Максимум две, – спешит оправдаться она. – Ты ведь все равно целыми днями на своих репетициях и...

Я не выдерживаю и подскакиваю с кровати, начиная мерить шагами просторную спальню от одного угла к другому вдоль широкого окна с видом на яркие огни набережной Дона.

– Да не в этом же дело, – резко обрываю причитания подруги. – Это, конечно, твоя квартира, но и я не напрашивалась переезжать к сюда. Ты попросила сама, а уговора на соседей не было!

– Я знаю, что это не обсуждалось и это была лишь моя идея уговорить тебя следить за домом. У меня правда не было времени на обдумывание и разговор с тобой. Прости, но Ник он... – Кристина замолкает, и в трубке раздается какое-то шуршание, а через секунду ее голос загадочно понижается до полупшепота. – Не хочу сейчас вступать с ним в конфликты или перепалки. Я нашла в его вещах голубую коробочку.

Меня пронзает ступор и я ошеломленно замираю у окна.

Кажется, кому-то расплавил мозг под палящим солнцем Бали.

– Какая коробочка?

– Голубая, – чуть ли не пища от восторга продолжает Крис. – От Тиффани! А там кольцо помолвочное, понимаешь?

Понимаю. И в полном «понимании» делаю шаг назад и снова присаживаюсь на край кровати. К горлу тут же подкатывает противный соленый ком, и я молчу. Поделись со мной Кристина этой находкой при другом раскладе обстоятельств, то пищали бы мы с ней уже на два довольных голоса. Я бы искренне радовалась за нее. Честно. Но не сейчас, когда ясно понимаю, что кольцо от Тиффани теперь, как пелена в глазах у подруги.

– Аль... Ну, не молчи. Я правда не могу сейчас сделать что-то не так. Никита – идеальный. Где я еще такого мужика найду? При деньгах, красавчик, бизнес свой. Это всего на пару недель. Тебе же не сложно будет потерпеть ради меня? Ник заверил, что с Данилом не будет проблем.

Потерпеть? Не будет проблем? Наверное, стоит сказать спасибо, что этот Ник не попросил вообще выпихнуть меня с квартиры.

Сглатываю неприятное ощущение в горле, но подходящих слов найти и произнести не могу. Слишком ярким становится разочарование, которое расплзается под ребрами. Вот она – цена халявы. Действительно, бесплатный сыр лишь в

мышеловке. Я просто утыкаюсь взглядом в одну точку перед собой.

– Алечка... – слышу слезливый призыв Кристины на мое молчание, – но если тебе совсем не вмоготу, то, может, передеешь на это время в общагу? А потом он съедет, и вернешься.

От озвученного предложения я тут же морщусь, как от лимона. Вот тебе женская дружба и ее показатели. И ведь для Кристины ничего такого, что, съехав с комнаты в общежитии, я автоматически была вычеркнута из нуждающихся в ней. Ну, я и дура!

– Буду очень ждать твоего приглашения на свадьбу, – горько усмехаюсь в трубку, даже не пытаюсь скрыть своего разочарования.

– Аль...

Но я не дослушиваю ее нервный лепет, а просто сбрасываю звонок, подрываюсь с кровати и стиснув зубы, решительно выскакиваю в коридор. Мне очень нужно на свежий воздух и очень не хочется находиться в присутствии того, чей аромат геля для душа до сих пор держится у меня в легких. Кажется, что за те секунды рядом с этим гадом я успела пропитаться его запахом насквозь. Тошно так, что стараюсь даже дышать через раз, когда хватаю куртку с вешалки у двери и быстро влезаю в ботинки, но успеваю заметить все еще вальяжно развалившегося на стуле Данила.

От входной двери, в сторону гостиной, открывается от-

личный обзор на то, как он, до сих пор обмотанный лишь одним полотенцем вокруг бедер, вытянул вперед свои волосатые ножищи и устоялся в экран телефона. Мои шумные телодвижения в коридоре заставляют его лениво поднять голову. Несколько молчаливых секунд мы просто пробиваем друг друга взглядами.

– Уже съезжаешь? – Низкий голос буквально пышет издевкой.

Нагло приподняв одну бровь и уголок губ одновременно, Данил обводит меня колючим взглядом с ног до головы. Я мгновенно получаю порцию холодных мурашек и почему-то ощущение беспомощности. Как же мне хочется уметь метать хотя бы молнии из глаз. Я бы выжгла и пепла не оставила от того места, где сидит его голый зад.

Не произнеся ничего в ответ, вылетаю на лестничную клетку, как если бы меня гнали поганой метлой. Хотя присутствие в квартире Данила ничем не лучше...

Глава 4

– То есть недолго музыка играла? – усмехается Аня, ставя передо мной дымящуюся чашку зеленого чая. – И что теперь?

– Не знаю, – я тяжело вздыхаю, осторожно касаясь пальцами горячего края кружки и тоскливым взглядом осматриваю свою бывшую конуру в общежитии.

Именно конуру. Комнатушка, обклеенная рогожкой цвета поганки, едва вмещает в себя две односпальных кровати с облупившимся лаком на изголовьях, потрепанные тумбочки между ними, выдававший жизнь холодильник и хромой на одну ногу стол, одновременно и письменный, и обеденный.

Этот номер "люкс" я почти четыре года делила с Аней, скрипачкой, спортсменкой и просто красавицей. И ещё более тоскливо сравниваю в мыслях эти «хоромы» с квартирой Кристины. Да одна только спальня вместит в себя две таких комнаты. Неужели мне придётся снова вернуться сюда? К хорошему привыкаешь быстро. Я уже сроднилась с тишиной, постоянно идущей горячей водой и отсутствию расписания, когда и какая комната драит общую кухню.

Но взгляд останавливается на своей бывшей кровати у окна, заправленной незнакомым пледом в цветочек и лежащими на ней чужими нотами. Мне ведь и возвращаться-то некуда. Стоило только съехать, как в этот же день Ане подселили

новую соседку-второкурсницу. Кому-то повезло, и, как оказалось, не мне. А всего месяц назад, лихо перевоза отсюда вещи, я думала иначе...

– Так что будешь делать? – Анька перебивает мои мысли, шурша фольгой от распакованной шоколадки. – Можно попытаться разместить тебя где-то на полу, но если засечет комендантша, – Она широко разводит руками.

– Да меня-то и в гости сюда с трудом впустили, а ты про ночёвку, – грустно усмехаюсь, проворачивая вокруг своей оси горячую кружку на столе. – Была мысль снять квартиру посуточно, пока ОНО там, – намеренно интонацией выделяю «оно», не забыв при этом скривиться. – Это дорого. Гости-ница – та же песня.

– После выходных поговори с деканом. Может, найдут тебе место в общежитии? – предлагает Аня, откидывая мешающий белокурый локон с лица.

– Поговорить можно, но до понедельника мне надо где-то жить, – недовольно цокаю языком.

Я правда не знаю, что делать. Тысячный раз вздыхаю. Чай стынет в чашке. Я не выпила ни глотка. Мое настроение окончательно пробило десятое дно.

Это я несколько часов назад, убегая из квартиры Крис, была такая отважная и смелая, что могла в этот же момент остаться ночевать прямо на лавочке у подъезда. Только бы не возвращаться на тринадцатый этаж. А сейчас прекрасно понимаю, куда в итоге придется идти. Денег настолько мало,

что даже «кот наплакал» кажется баснословной суммой по сравнению с тем, сколько лежит в моем кошельке.

Поэтому я и отправилась напрямик в общежитие консерватории. Но максимум на что могу рассчитывать – это посиделки с Аней в комнате до его закрытия. Правила есть правила: нет разрешения на проживание – покинь помещение до десяти вечера. И уже через полчаса меня ждёт эта участь.

– Аль, – Аня вдруг понижает голос, – а он хоть симпатичный?

– Кто «он»? – отстраненно переспрашиваю я, все еще размышляя о любых вариантах, как избежать незапланированного сожительства.

– Тот, кого подселила к тебе Кристина.

От неожиданного вопроса я дергаюсь и проливаю несколько капель чая себе на джинсы. Тру рукой расплзающиеся по темно-синей ткани пятна и тут же грозно хмурю брови, осуждающе смотря в миловидное личико подруги, а в ее, по-детски распахнутых, глазах напротив горит загадочный интерес.

– Совсем уже? Мне, возможно, придется жить несколько недель с лицом мужского пола неизвестной этиологии, но тебя интересует информация о его внешности?! А если он озабоченный какой-то? Приставать начнет? Дружков толпами водить?

– Замучай его арпеджио*. Сам съедет, – задорно подмигивает Аня, но не найдя в моем взгляде ни капли позитива,

вздыхает. – Слушай, это, конечно, не совсем прикольно, но ведь его знает парень Кристины. Может, он действительно нормальный?

Непроизвольно вспоминаю о том, с какой силой хватали меня руки Данила и его нахальное предложение про «отсосать». Вздрагиваю и, поежившись, бурчу:

– Это вряд ли...

– А как его зовут? – не унимается Аня.

– Данил. – В каждую произнесенную букву я вкладываю щепотку злости и все же делаю глоток почти холодного чая, чтобы хоть как-то приглушить свои эмоции.

Гад! Надо было вообще откусить ему руку.

– Зайду к тебе в гости на досуге, – серьезно изрекает бывшая соседка по комнате, поправляя декольте на домашней футболке.

– Если так интересно, то, может, поменяемся местами? И тогда тебя будет встречать полуголое, распускающее руки, хамло! – Я со стуком ставлю кружку обратно на стол.

– Он еще и полуголый тебя встретил? – Анютины глазки распахиваются, как по щелчку. – Офигеть. Так он симпатичный или нет?

Я со стоном утыкаюсь лбом в шершавую поверхность старенького стола. И вот за что мне? Одна подруга подкидывает мне левого мужика, а вторая – чуть ли не слюни пускает на такой ход событий.

Да не хочу я ни с кем жить, девочки!

*Арпеджио – способ исполнения аккордов, преимущественно на струнных и клавишных инструментах, при котором звуки аккорда берутся последовательно один за другим.

Из своей бывшей общаги я вышла ровно без пяти десять. Смысла задерживаться не было. Все равно выгонят, а домой лучше добраться до полуночи.

Тротуары и улицы, подсвеченные фонарями, заметно опустились, а воздух теперь уже не такой дружелюбно теплым. Пока я отсиживалась у Ани, город навестил дождь. Чувствую, как за секунды мои распущенные волосы напитываются противной влажностью, а сырые порывы ветра заставляют поскорее натянуть на себя куртку, нахохлиться от неприятной прохлады и чуть ли не бегом двинуться в сторону дома Кристины.

Нет даже предположений, чего теперь можно ждать в квартире, ставшей моей крышей над головой по собственной же сговорчивости. Точнее, не так. Я знаю, ЧТО меня там ждет, но нет вариантов, как с ЭТИМ дальше существовать. Но я придумаю. Обязательно что-нибудь придумаю. Мне главное переждать два выходных дня.

Перед тем, как вставить ключ в замочную скважину двери, прислушиваюсь к происходящему за ней. Ни звука. С гнетущим чувством настороженно проникаю в квартиру и снова замираю на пороге. Второй раз за день. Потому что те-

перь меня встречает изумительная тишина, которая и должна была быть еще в первую попытку зайти домой. Я всеми клетками интуиции чувствую, что в квартире ни души.

В полной темноте почти бесшумно разуваюсь, стягиваю куртку, вешаю ее в шкаф и крадусь вглубь комнат, включив свет только в коридоре. Кажется, сделай неосторожное движение, и это ощущение одиночества в квартире рассыплется.

Спортивная сумка исчезла с пола, стулья в гостиной плотно придвинуты к столу, как будто никто и не восседал на них в вальяжной позе пару часов назад. В ванной полное отсутствие мужских принадлежностей: бритвы, пены для бритья или геля для душа. И даже дверь в свободную комнату широко распахнута, демонстрируя свою пустоту.

Я одна в квартире. Такое ощущение, что все, что произошло вечером – это лишь игра моего воображения. Только вот в коридоре стоит «стена» из незнакомого мужского парфюма.

А вдруг этот Данил все-таки съехал, решив напоследок вытравить меня этим ярким грубовато-пряным запахом?

Как бы там ни было, его здесь нет, и мне на мгновение становится чуть спокойнее. Но я все равно ловлю все звуки, особенно те, которые доносятся из подъезда. Прислушиваюсь, когда переодеваюсь в своей спальне, прислушиваюсь и во время ужина, и когда принимаю душ. Приходится несколько раз отключать воду, чтобы застыть в мыльном коконе, с испугом иногда поглядывая на дверь ванной.

Я не могу перестать слушать тишину квартиры, даже когда уже лежу в теплой кровати под мягким пледом. Лежу и гипнотизирую свой инструмент, грустно стоящий в углу спальни. Сегодня не нашла сил прикоснуться к нему. Намеренно отгоняю от себя дрему, так как не знаю: явление Данила здесь было мимолетным или он вот-вот вернется? Спасибо за это Кристине, которая все еще периодически шлет мне сообщения с различным набором смайликов: от плачущих до поцелуйчиков. Только я делаю вид, что ничего не происходит. Пока нет никакого желания вести с ней разговор. Все, что мне нужно, я уже услышала.

Но сколько бы я ни боролась с усталостью и желанием отключиться, они утаскивают меня в глухой омут сна. Меня отрубает от реальности достаточно быстро. Ровно до того момента, когда снова мерещится, что я дышу мужскими духами.

И еще мне чудится какое-то движение в комнате. Странные шорохи... Но так не хочется выныривать из тягучей дремоты, что я с трудом пытаюсь понять: это сонный мираж или нет.

А пряно-древесные ноты в воздухе становятся все более отчетливыми.

Я не успеваю открыть глаза, как что-то тяжелое наваливается сверху, обхватывает за талию и крепко прижимает меня к кровати...

Глава 5

Несколько секунд полной растерянности и оцепенения. Не дышу. И даже не знаю почему. То ли потому что до чёртиков испугалась, то ли потому, что сверху на меня давит что-то очень объёмное и жутко тяжёлое. Но все становится на свои места, когда в нос ударяет тот самый аромат парфюма, что встретил меня в коридоре пару часов назад. И все это вперемешку с ярким алкогольным амбре.

Всё сразу встаёт на свои места! Вот урод!

– Слезь с меня, гад! Отцепись! – Брыкаюсь, пытаюсь отпихнуть от себя чужие руки и ноги.

Он пришел мной воспользоваться? О Боже! Лишь от одной подобной мысли, начинаю все сильнее толкаться всеми конечностями. Но в ответ получаю лишь невнятный стон и никаких поползновений в сторону.

Кое-как выбираюсь из-под распластавшегося на моей кровати Данила. Ну, как выбираюсь... Скорее, выползаю, как гусеница, и просто плашмя лечу с края матраса на пол.

Потираю ушибленный бок одной рукой, второй – тянусь к лампе, стоящей у прикроватной тумбочки. Неяркий свет мягко окутывает пространство спальни, демонстрируя развалившееся мужское тело поперек кровати.

Данил в футболке и джинсах просто лежит на животе и мнет лицом подушки. Это тело выглядит максимально бес-

помощно. У меня пропадают все культурные слова из головы, правда и некультурные произнести не получается. Я молча хлопаю ресницами с приоткрытым ртом. Охренеть!

– Эй, – наконец, дергаю ночного гостя за край джинсов, – ты ничего не перепутал?!

Ноль эмоций. Данил не шелохнулся, откуда-то из недр подушки раздаётся богатырский храп, а по комнате начинает растворяться спиртное амбре. Да он пьян в щепки. Поднимаюсь с пола и рывком дергаю Данила за длинные ноги. Он не собирается двигаться и на миллиметр, занимая почти все свободное пространство матраса. Лишь делает глубокий полувздых-полустон и храпит себе дальше.

Все мои задатки культурного воспитания и терпимости откатываются назад. Я забираюсь на кровать и, не жалея ни сил, ни выражений, торможу пьяное тело.

– Вали с моей кровати! Просыпайся! – Колочу ладонями по каменным мышцам, обтянутым черной футболкой, пытаюсь убрать со своей территории нежеланного гостя. – Изыди!

А он спит, словно прилипший к пушистому покрывалу. Мои ладони ноют от боли неистовых хлопков по широкой спине и плечам.

– Данил! – Уже отчаянно рычу его имя от бесполезных попыток спихнуть инородное тело с кровати. Мне не помогают даже толчки ему в бок ногами. – Сгинь отсюда!

Пьяное тело в конце концов подает признаки жизни. Данил протяжным стоном отрывает голову от подушки и испе-

пелает меня, заволоченными мутной пеленой, глазами. Его волосы взъерошены, как воронье гнездо, а лицо искривляется в злой гримасе.

– Чего тебе? – рявкает он грубо, одаривая меня едким ароматом паров алкоголя.

Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не отвесить по его нетрезвой морде отрезвляющую оплеуху. Но меня вовремя посещает мысль: а если он в подобном состоянии совсем неадекватный? Понятия не имею чего ждать от своего соседа. В таком сожительстве я никогда не состояла.

– Ау! Это моя спальня, – как можно твёрже и спокойнее заявляю я, стараясь не показывать, что вообще-то я сейчас его побаиваюсь.

– И что? – хрипло бурчит он.

– Катись прочь!

С хмельной усмешкой Данил бесстыдно скользит по моему телу взглядом, а до меня вдруг доходит. Я сижу перед ним в легкой пижаме: топ на кружевных бретельках и коротенькие шорты. И под ними ничего... Меня нагоняет жуткое ощущение: как будто я за секунды становлюсь обнаженной. Тонкая ткань словно испаряется под расширенными зрачками пьяных глаз.

– Сиськи – зачет! – выдает Данил и, не моргая смотрит на мою грудь, причем весьма скромного размера.

– Да ты... Ты... – Я взрываюсь окончательно, делая замах рукой, чтобы с чувством опустить ее на хамскую морду,

но Данил, вздохнув, чуть приподнимается и, одним резким движением, легко дергает покрывало подо мной на себя.

Я с трудом удерживаю равновесие, чтобы не слететь кубарем с кровати. Прямо в одежде, Данил заворачивается с головой в мягенький плед. Проходит всего секунда, как из-под покрывала я слышу похрапывания. Не могу поверить своим глазам и ушам. На часах глубокая ночь, в моей кровати омерзительно пьяное тело незнакомого парня, а я, в полной растерянности, смотрю на храпящий кокон, из которого демонстративно торчат мужские лапы в белоснежных носочках. И я вообще ничего не могу сделать. Данил тупо спит.

Я срываюсь с кровати, как ошпаренная, не забыв попутно «нечаянно» пнуть гада, приватизировавшего мое личное пространство. Все, что оказывается мне по силам – это выдернуть из-под его головы, завернутой в плед, свою подушку.

В квартире Кристины три спальных места: ее комната, свободная спальня, которую и должен был занять навязанный мне сожитель, и диван в гостиной.

В пустующую комнату Данила я и шага не сделаю, лучше спать в подъезде, поэтому кидаю отвоёванную подушку на диванчик в зале. Кипящая злость в крови заставляет меня трястись, как от озноба. Я нахожусь в доме с человеком, которого увидела сегодня в первый раз в жизни. И за эти немногочисленные общие минуты он успел предложить мне отсосать и залез в мою кровать. А дальше что?

С ощущением беспомощности я размещаюсь на диване,

но стоит коснуться головой подушки, как она тут же отправляется в полет в угол комнаты. Фу! Дрянь какая! Сатиновая наволочка уже успела пропитаться парфюмом Данила.

Ложусь спать прямо так: без подушки и прикрывшись декоративным диванным пледом, под которым я сворачиваюсь калачиком. И мысленно я совсем не против, чтобы там, на моей кровати, мой сосед задохнулся от собственных паров спирта!

Обняв себя за плечи, пытаюсь заснуть лишь с одной обнадеживающей мыслью: мне нужно потерпеть всего пару дней. В понедельник атакую деканат и выбью себе место в общежитии обратно. И даже когда Данил съедет, сюда не вернусь. Отмывать потом дом от его запаха? Очень надо!

Оставшуюся часть ночи беспокойно ворочаюсь с одного бока на другой и периодически прислушиваюсь к звукам за стеной. Что еще может прийти в пьяную голову Данила я понятия не имею, так что лучше быть начеку. Под утро однозначно понимаю, что доброго начала дня не будет не только у меня.

Едва свет начинает расползаться через задернутые шторы по комнате, я уже на ногах. Вымотанная, невыспавшаяся, с ноющими мышцами от неудобной позы, в которой так и не смогла нормально заснуть, но решительно привожу себя в порядок. Даже не завтракая, надеваю леггинсы, домашнюю свободную рубашку, завязываю свои длинные волосы в тугой пучок на затылке и вхожу в спальню Крис.

В нос мгновенно ударяет ядовитый запах перегара. Морщусь, с трудом справляясь с накатывающей тошнотой. Боже... Успеть бы приоткрыть окно, пока не рухну от оглушающей спиртовой ауры. Данил все еще спит и даже не шевелится, пока я на одном вдохе впускаю в комнату спасительно прохладный воздух сентября.

Косо взглянув на свою кровать, морщусь снова. Мужская футболка и джинсы валяются на полу, а их хозяин, наполовину прикрытый пледом, в позе звезды «душит» телом матрас. Его длиннющие ручища и ножища занимают почти всю его площадь. Обнаженные широкие плечи, грудь и пресс – все вычерчено рельефом прорастающих мышц. Это все точно результат постоянных тренировок. Он что? Спортсмен? А почему тогда так бухает?

Я вдруг понимаю, что зачем-то глупо стою возле кровати, глаза, как на ней разлегся полуголый Данил и размышляя, как его тело приобрело такую мускулистость. Одергиваю себя и сглатываю странное сковывающее чувство. Я пришла сюда не для того, чтобы Данил сейчас открыл глаза и решил, что я его рассматриваю.

Моя цель – черное, до блеска натертое, цифровое фортепиано, стоящее точно напротив кровати. А мое техническое задание на это утро – совместить приятное с полезным.

Удобно усевшись за инструмент, ласково смахиваю с него невидимые пылинки. Заправляю обратно выбившуюся из пучка на голове прядь, прикрываю глаза, вдыхаю полной гру-

дью освежающий воздух в комнате и с расслабленной улыбкой на лице касаюсь кончиками пальцев черно-белых клавиш...

Доброе утро, Данил!

Глава 6

Данил

Я в аду? Или это ад во мне? И почему в моей голове звонят колокола?

Боль потрошит сознание на части. Все, чего хочу – это сдохнуть в эту же секунду. Я не понимаю, что за звуки вокруг и приходится сквозь боль разлепить глаза. Взгляд не с первого раза фокусируется на пространстве передо собой. Смотрю сначала на идеально белый потолок, следом на серую стену, и только потом соображаю, с какой стороны идет звук. Через силу поворачиваюсь к его источнику.

Полубоком ко мне сидит вчерашняя неадекватная девица и играет на пианино. Пианино, мать вашу! Какого черта?!

– Хватит, – хриплю со стоном.

Каждое движение ее пальцев по клавишам отдаются в голове такой болью, что у меня не получается свободно дышать.

– Хватит! – Озвучиваю уже громче, кое-как приподнимаясь на подушках.

Нет, она точно дурная потому что всего лишь оборачивается на мой голос и продолжает шмякать пальцами по инструменту.

– Доброе утро, – нараспев произносит...как ее там... имя...не могу вспомнить...

– Ты издеваешься? – Кривлюсь от каждой гребаной звонкой ноты.

– Прости, не расслышала. Тебе не нравится музыка? Это токката и fuga ре минор*. Иоганн Себастьян Бах. – На её губах появляется ехидная улыбка, а пальцы как будто сильнее давят на клавиши.

– Ты зачем это делаешь, а? – обхватываю голову руками, начиная массировать виски и, наконец, замечаю, что на мне лишь боксеры, и сижу я на кровати, которая не была выбрана мной в качестве спального места.

И какого хрена я раздет и в чужой постели? Перевожу опять взгляд на мадам, очень виртуозно эксплуатирующую фортепиано.

– А напომни: как я оказался здесь? – Осторожно спрашиваю ее, потому что конец прошедшего вечера мелькает лишь отрывками. Я не помню и приблизительно сколько вылакал виски.

– Без понятия. Ты просто бухой нагло влез в мою кровать. Пить меньше надо, чтобы не задавать потом таких тупых вопросов, – девица делает вид, что и не замечает, как я постанываю в такт к каждому звуку, извергаемому её адской машиной.

Вот стерва! Я не выдерживаю. Превозмогая все наказания моего организма за вчерашнюю спиртную вакханалию, срываюсь с постели и за два шага оказываюсь возле пианистки. Она даже не успевает убрать свои ручонки, как я уже выдер-

гиваю шнур из розетки и отсоединяю его от самого инструмента. Наступает долгожданная, спасительная тишина.

– Как хорошо, – блаженно выдыхаю, опираясь одной рукой о край пианино, другой – сжимаю провод от его блока питания.

– Ты вообще уже! – Девчонка возмущённо подсакивает, а ее звонкий голос не лучше звуков клавиш.

Опять морщусь и задерживаю дыхание от пронзающей голову боли. Чувствую, как из моих рук пытаются выдернуть шнур. Черта с два, детка! На меня смотрят широко распахнутые карие глаза, а в них – негодование вместе с отвращением. Аккуратные темные брови на точеном девичьем личике недовольно сдвинуты у переносицы.

– Отдай!

– Похващаешься своими музыкальными навыками перед кем-нибудь другим и как-нибудь в следующий раз, – хмыкаю я, легко выдергивая из ее пальчиков шнур. И невольно отмечаю: такие тоненькие, а ведь по клавишам били, словно молотки.

– Я не хвастаюсь. Мне заниматься надо, – она снова тянется за конфискованной мной деталью к ее пианино.

– А давай потом? – Я легко перебрасываю шнур в другую руку, поднимая его над ее головой.

– Давай без «давай»? Я, вообще-то, в консерватории учусь. У меня концерт скоро, – недовольно шипит мадам, глядя на меня с вызовом.

Зашибись. А Ник говорил, что с соседкой проблем не будет, а она собирается брынчать сутками на пролет...

– То есть это не единоразовая акция мести? – Кривлюсь я.

– Нет, – девочка ухмыляется, гордо приподнимая свой острый подбородок. – Я играю каждый день минимум по два часа.

– Не сегодня, – ухмыляюсь ей в ответ, но голова начинает раскалываться так, что я решаю прекратить нашу бессмысленную перепалку.

За инструмент она в ближайшее время не сядет точно, пока я не выплусь. Делаю шаг в сторону от девчонки, но эта заноза и не собирается сдаваться. Она резко дергает к себе шнур, все еще крепко зажатый у меня в руках, но явно не ожидала, что я тут же потянул его обратно к себе.

Сила моих рук против тоненьких ручонек: один – ноль в мою пользу. С громким «ой» она теряет равновесие и впечатывается всем телом мне в грудь, а ладонями инстинктивно обхватывает меня за талию. Мы так и стоим пару секунд недвижно посреди комнаты: я в одних боксерах и со шнуром в руке, и она, прижавшаяся ко мне, дабы окончательно не полететь на пол. Ее высоко завязанный пучок волос на голове утыкается точно в мой нос, и я непроизвольно вдыхаю аромат чего-то сладкого, напоминающего фруктовую жвачку. Пахнет вкусно. Даже слишком, что на мгновение забываю о живущей в голове боли.

– Отцепись. – Девочка тут же пытается отлипнуть от ме-

ня, отталкиваясь теплыми ладошками от моего торса, а ее бледные до этого щеки за секунду становятся ярко-алыми.

Я со смехом развожу руки в стороны, не коснувшись ее миниатюрного тела даже мимолетно. Черт! Как же ее имя? Еще такое дурацкое... Карина? Альбина? Алина? Точно!

– А я тебя и не держу, Мальвина.

Спешно отстранившись, она пропитывает меня взглядом полного презрения.

– Меня зовут Альвина, козел! – Сверкает своими темными глазищами, язвительно выплевывая последнее слово.

А я лишь растягиваю губы в улыбке. Попятившись к выходу из чужой спальни, победно размахиваю шнуром от фортепиано перед носом Мальвины.

– Да хоть Буратино. Один фиг, играть ты сегодня не будешь, – и исчезаю в коридоре, оставляя девчонку стоять посреди комнаты с изумительным набором отвратительных эмоций на лице.

Но запала язвить хватает ровно до того момента, как закрываю за собой дверь соседней комнаты. Мне едва хватает сил сделать три шага до диванчика в крохотной спальне. По сравнению с остальным стильным и уютным антуражем квартиры, эта комната выглядит, как каморка. Она практически полностью заставлена какими-то коробками на разный размер, остатками обоев и плинтусов. Здесь нет даже занавесок на окнах, только полуторный, слегка потрепанный диванчик. Разместившись на нем, я забрасываю шнур

куда-то в угол. И теперь понимаю, почему отправился спать вчера не сюда: жестко, тесно и жутко неудобно. Но сейчас уже плевать. Алкоголь начинает мучительно покидать мое тело, оставляя за собой озноб и взрывы боли в башке.

Я даже не двигаюсь с места, когда, в резко распахнутую дверь спальни, залетают моя футболка и джинсы, приземлившись прямо на стоящие в углу коробки.

– Сука... – шепчу себе под нос в ответ на громкий хлопок закрывшейся обратно двери.

Мне плевать на все выходки Альвины – Мальвины. Пусть хоть на голове пляшет, но в ближайшее время я точно никуда не съеду... Проще вытурить эту девицу отсюда самому.

Я пытаюсь заснуть, но вместе с похмельем, меня окутывает ненависть. Начинаю ненавидеть каждую секунду своей жизни и вчерашний день в том числе. Ненавижу эту квартиру, в которой буду вынужден бомжевать неопределенный срок. Ненавижу отца...

«Дерьму место в дерьме», – к горлу подкатывает тошнотворный спазм, когда опять слышу его стальной, надменный голос у себя в голове, прорвавшийся через непрекращающийся поток боли.

И вспоминая, где и как прошел мой вчерашний вечер, уже с лютой ненавистью понимаю: он прав. Ведь прошлую ночь я опять провел со своими демонами.

Глава 7

– Как это нет? Вообще? Совсем? – Смотрю на заместителя декана и искренне не понимаю того, что было озвучено мне пару секунд назад.

– Совсем, – Наталья Ивановна трясёт своей завивкой.

– Нет, вы не понимаете, – я нервно ерзаю на стуле и с чувством заглядываю ей в глаза, не собираясь сдаваться. – Мне очень надо.

– Очень-очень, – поддакивает Аня, топчась за моей спиной.

Мы обе уже минут пятнадцать торчим в деканате, пытаюсь вернуть меня в общежитие. Нас даже не смущает, что третья пара началась уже где-то полчаса назад, что сам небольшой кабинет с портретами Глинки и Шопена на стенах заставлен цветами в честь дня рождения одного из сотрудников факультета, а заместителя декана ждут в приемной самого декана, чтобы начать торжество. Я лишь усердно киваю, подтверждая слова Ани. Никто даже и представить не может, как мне нужно обратно в эту чёртову общагу!

– Мальчевская, – вздыхает женщина, с укором просматривая на меня поверх своих очков, и по ее тону я понимаю, что не собирать мне сегодня вещей, – ты, конечно, у нас гордость консерватории, невероятно талантливая девочка, но это тебя не освобождает от общих правил получения комнаты в об-

щежитии. Ты от места отказалась? Так?

– Так... – Надежда в душе становится ещё призрачнее, чем мираж в пустыне.

– На твоё место заселились?

– Заселились... – Становится ясно, что затея была провальная изначально, но я не опускаю руки и мило хлопаю ресницами. – Ну, пожалуйста.

Наталья Ивановна лишь разводит руками:

– Прости, дорогая, но в этом семестре это невозможно. Могу попробовать после Нового года решить что-то с твоим возвращением в общежитие.

Фраза «после Нового года» окончательно рубит во мне все связи с надеждой не делить жилплощадь с чужим и неприятным мне человеком. Становится так обидно, что начинает противно щипать глаза от подступающих к ним слез... Нет, я не выдержу жить с ним до Нового года.

– Ладно, – рвано вздыхаю и, обняв свою сумку, плотно набитую нотами, поднимаюсь со стула. – Я поняла.

Аня с таким же вздохом следует за мной на выход из деканата, поддерживающе похлопывая меня по плечу.

– А у тебя какие-то проблемы в квартире где ты сейчас живешь? – останавливает нас голос Натальи Ивановны на выходе.

– Что-то типа этого, – грустно усмехаюсь.

О, это больше, чем просто проблемы. Это полный треш.

– У нее в квартире домой завелся, – хихикает Аня, за что

тут же получает от меня размашистый удар локтем в бок.

– Домой? – с мгновенным интересом оживляется Наталья Ивановна. – Так ты попробуй с ним подружиться. Конфетку ему в темный уголок на кухне положи, молочка в мисочку на ночь налей. Скажи ему, что не обидишь, дружить предложи. А если он так и будет дальше тебя беспокоить, святой водой углы окропить надо.

Слышу, как рядом уже буквально давится от смеха Аня. А мне кажется, что я оказалась в каком-то дурацком цирке.

Выпихиваю подругу из деканата и, сдержанно попросившись с Натальей Ивановной, скрываюсь за его дверями сама.

Хохот Ани эхом разносится по пустому коридору на весь этаж. Сдерживая в себе нарастающий шквал нецензурных слов и мыслей, подпираю спиной стену и просто смотрю на то, как кому-то очень смешно. Жаль, только не мне... Ведь не ее ждет «милый» домовой.

– Хороший совет же, – лыбиться Аня, утирая слезы из уголков глаз. – Может, тебе реально попробовать: молочко, конфетки... дружба... – На последнем слове она игриво подмигивает.

Я молча и в упор смотрю на Аньку, мысленно прокручивая в голове ее дальнейшие действия. Вот сейчас она посмеется, пойдет на пару, отсидит репетицию и вернется в комнатушку общежития, где ее не ждет никакая похабщина в виде зачетных сисек и никто не указывает, когда и как ей пикировать на своей скрипке.

А вот мой провод от инструмента был возвращен лишь вчера утром, когда Данил все же соизволил выползти из своего убежища. Заспанный, помятый во всех смыслах: и лицо, и футболка со спортивными штанами.

Он, как из-под земли, появился в гостиной, загородив широкими плечами весь дверной проем. Смерив меня взглядом, который идеально подходит пустому месту, просто без слов швырнул забранную себе вещь на стол во время моего завтрака. Именно швырнул. И после этого беззвучного представления, не дожидаясь моей реакции, мой «замечательный» сосед вернулся в свою спальню, а я так и осталась сидеть, изумленно поперхнувшись завтраком.

За два дня прошедших выходных мы в прямом смысле не виделись. Мне показалось, что мой сосед вообще больше не выходил из комнаты. Лишь ночью слышала шум льющейся воды в ванной. И я ни разу не видела, чтобы Данил ел. Никакая чужая еда так и не появилась за эти дни в холодильнике. Только то, что покупала я сама.

Даже сегодня утром собиралась на учебу в полной тишине. И о том, что я в квартире не одна, мне напомнили огромные мужские кроссовки, брошенные на придверном коврике.

Мне, конечно, все равно, чем Данил питается и чем занимается. То, что мы толком и не пересеклись за все выходные только на руку, но это однозначно не может не казаться странным. И как бы там ни было, мириться с таким со-

седством я не собиралась. Правда, все мои планы только что рухнули окончательно: вернуться в общежитие я пока не могу.

– Ты идёшь? – Аня дёргает меня за лацкан пиджака, вырывая из лёгкого ступора.

– Нет, – отрицательно мотаю головой, – у меня на сегодня все.

– Домой спешишь? – Анька в который раз задорно подмигивает.

А я лишь цокаю языком, закатываю глаза и, стуча каблуками ботинок по паркету, оставляю подругу посреди коридора в полном одиночестве.

Мне не хочется домой. До ужаса, до уверенного чувства, что лучше буду бесцельно шататься по улицам ещё пару часов, чем приду туда, где, кроме дискомфорта, мало что ощутимо. И я бы шаталась, если бы не мерзопакостная погода за окном. Мелкий, колющий холодными каплями дождик в дуэте с яростными порывами ветра. Только от дождя я прячусь под зонтом, а вот от собственного настроения сбежать не удаётся. Так душно и тяжело на душе, что я плетусь под дождем домой. Меня не мотивирует идти быстрее даже легкая футболка, надетая под пиджак и тонкие джинсы – все это точно не подходит для подобных прогулок.

Оказавшись на пороге квартиры, понимаю, что зря рано радовалась нашим редким встречам с Данилом. То, что он где-то за пределами своей комнаты я понимаю мгновенно.

Дверь в его комнату распахнута настежь, а из недр квартиры доносятся громкие звуки.

Я быстро скидываю обувь, пиджак, делаю три глубоких вдоха и выдоха и осторожно захожу в гостиную. Увиденная картина мира вынуждает ахнуть и припечатать нижнюю челюсть к полу. Как?! Как вообще такое возможно?! Меня не было всего полдня, а тут...

Все, чего хочется, так это топтать ногами, материться и орать, когда взгляд охватывает пространство кухни-гостиной. Но я лишь слышу свой скрежет зубов и чувствую, как начинает сводить судорогой пальцы от того, с какой силой я сжимаю кулаки.

– Ты вообще уже?! – Это все что срывается с моих губ, когда я обращаюсь к темно-русой макушке Данила, которая выглядывает из-за спинки дивана.

– И тебе привет, – спокойным басом выдает Данил, не поворачиваясь, и даже не престаёт залипать в приставку на телевизоре, висящего на стене.

На экране огромной плазмы мелькают какие-то гонки, перестрелки, а в моей голове – как бы его придушить, и чтобы на суде мне за это еще и медаль дали. Я продолжаю ошарашенно осматривать кухню и гостиную. Лучше бы Данил не прикасался к еде и дальше.

Идеально чистая, убранная кухня, которую я оставила за собой всего несколько часов назад, словно превратилась в поле битвы после какого-то кулинарного шоу. Грязная ско-

ворodka брошена на заляпанной каплями от масла индукционной плите, на белой гранитной столешнице разбросаны ложки, вилки, скорлупа от яиц. Аккуратно стоящие до этого в шкафу баночки со специями теперь в хаотичном порядке брошены прямо на столе. Пустая коробка из-под замороженной пиццы, парочка пустых бутылок колы, обертки от каких-то конфет и сладостей... Данил даже не удосужился убрать использованные тарелки в посудомойку. Я уже молчу про то, что просто невооруженным глазом вижу заляпанные поверхности серых дверей кухонных шкафчиков и ящиков.

– Убери, – проговариваю через зубы и стараюсь дышать медленно и глубоко, чтобы сдерживать неумное желание просто схватить Данила за ухо и ткнуть во все это его носом.

– Чего? – отстраненно переспрашивает он.

Я делаю шаг к дивану и становлюсь почти напротив Данила, загородив собой часть экрана телевизора. Но мой сожитель особо и не реагирует на мое появление перед собой. Лишь сосредоточенно кусает губы и продолжает сидеть в позе Будды, опершись локтями на разведенные в сторону колени, начиная активнее дубасить пальцами по джойстику. Волосы взлохмачены, а удлиненная челка небрежно уложена ото лба назад, демонстрирует недовольную складку между широких бровей.

– Убери за собой на кухне, – повторяю громче и жестче, перемещаясь уже прямо в середину экрана.

– Минут через пятнадцать, когда закончу раунд, – без

эмоций озвучивает Данил, пытаясь рассмотреть то, что происходит за моей спиной.

– Я хочу поесть нормально, а не в свинарнике.

– А я хочу, чтобы ты отошла от телевизора, потому что твой папа не стеклодув. Подождешь, ничего с тобой не произойдет, – равнодушно пожимает плечами, а я понимаю: он и не собирается поднимать свой зад.

Поэтому я проделываю примерно то же, что он сделал в субботнее утро только с моим инструментом: просто выдерживаю провод, соединяющий приставку и телевизор.

– Убери. Сейчас. – Важно киваю подбородком за его спину и оборонительно скрещиваю руки на груди.

Пару секунд Данил молча созерцает потухший экран, а потом обращает внимание на меня. Не просто смотрит исподлобья, а буквально взглядом вдавливая в стену, что я неосознанно отхожу назад. Так же молча Данил отбрасывает джойстик в угол дивана, неторопливо поднимается на ноги, растягивает крупные губы в неоднозначной улыбке, одергивает черную футболку, обхватывающую мощный торс. Следом демонстративно засовывает ладони в карманы спортивных штанов и, через два его шага мои пути отступления уже перекрыты стеной, а передо мной почти вплотную стоит крепкая мужская фигура.

Хочется слиться с обоями, когда я встречаюсь со взглядом зелено-карих глаз, пропитанных холодом. Данил просто прокалывает меня ими, смотрит сверху вниз – моя макушка

едва достаёт ему до носа. По-прежнему держа руки в карманах, он стоит так близко, что я дышу не воздухом, а теплом, исходящим от его тела. Теперь я искренне начинаю верить в слова Кристины о том, что Данил хороший и проблем с ним не будет...

– Ты чего такая нервная? – усмехается он, а низкая вибрация его голоса отдаёт ощущением ваты под ногами. Я вздрагиваю, как от разряда тока, когда мужские пальцы касаются моих, легко разжимают и беспрепятственно забирают зажатый в них провод от приставки. – А как напряжены пальчики-то... Да и сама ты какая-то дерганая... Может, это связано с отсутствием парня? Или он тебя просто плохо трахает?

«Отсосать», «зачётные сиськи», «плохо трахает» – страйк по моему терпению. Я больше уже не думаю, хороший ли Данил и будут ли у меня дальше проблемы, потому что звонкая оплеуха летит прямо в его наглое лицо.

В комнате повисает невероятная, вакуумная тишина, и по моей ладони рассыпаются горячие иголки. Напряжение не просто режет пространство между нами, оно вынуждает нас не дышать несколько мгновений. Но эти сотые доли секунд кажутся мне вечностью. И я успеваю одними губами произнести: «Мамочки...», когда вижу, как одновременно запылало адское пламя в его глазах и расширились зрачки.

– Достала... – Данил сквозь зубы втягивает воздух и просто сгребает меня в охапку, закидывая себе на плечо.

Глава 8

– Пусти! Немедленно! – ору и брыкаюсь изо всех сил, пока болтаюсь вниз головой на широком плече Данила.

Я колошмачу кулаками по спине и пояснице этого гада, но его клешни держат меня крепко и весьма недвусмысленно сжимают мои ягодицы. Вот урод! Из-за распущенных волос, свисающих перед глазами, не могу сориентироваться, куда меня тащат. И только по знакомому орнаменту плитки на полу, понимаю, что в ванную.

– Ты что задумал? – Чувствую, как ослабевает хватка рук Данила.

Снова отчаянно пытаюсь вывернуться и слезть с его плеча. Но и одной рукой он легко удерживает меня на месте, не давая толком пошевелиться. Сквозь откровенный издевательский смешок Данила слышу характерный щелчок кнопки тропического душа, а мелкие капли мгновенно попадают мне на спину.

– Даже не думай! Нет! – Визжу на одном дыхании.

Отпираюсь, рьяно машу руками-ногами, но в ответ получаю всего лишь насмешливое:

– Охладись! Что-то ты слишком буйная.

Под мой непрекращающийся визг Данил закидывает меня в непрерывный поток прохладных капель. У меня пропадает голос и дыхание. Я издаю беззвучный вопль, едва удержива-

ясь на ногах. Чувствую, что легкая ткань футболки впитывает в себя каждую прохладную каплю. Вода потоком сбегает вниз, делая омерзительно влажными и мои джинсы. И я все еще стою в ванне под тропическим душем, хватая ртом воздух, пока в глазах Данила разгорается победный огонь, а на губах играет кривая ухмылка.

У меня отпадает всякое желание быть здравомыслящей и адекватной. Я без зазрения совести распускаю весь клубок нервов, скрутившийся за эти пару дней. Рука непроизвольно тянется к отдельно стоящей душевой лейке. Одно нажатие кнопки и весь поток капель, льющийся сверху, оказывается на нахальном лице этого гада.

Мне вообще плевать, что вода теперь хлещет по всей ванной комнате, заливая пол, стены, зеркало – все вокруг. Месть так адски и бешено бурлит в крови, что я делаю напор сильнее и просто обливаю Данила с головы до ног, мечтая, чтобы этот придурок захлебнулся прямо здесь и сейчас.

– Ненормальная! – Его лицо за секунду меняется с самодовольного на бешеное, и он решительно сокращает расстояние между нами.

Данил одним рывком выдергивает лейку из рук, лишая меня равновесия. С замирающим в груди сердцем лечу вниз, успев лишь ухватиться за ворот чужой футболки. Скользкий пол, закон всемирного тяготения, и мы с оглушающим грохотом оба оказываемся на дне ванны. И каким-то образом я приземляюсь точно на Данила.

От удара мои ребра словно сжимаются, перехватывая дыхание. Совершаю несколько отчаянных попыток подняться, но в узком пространстве ванны и в хаотичном переплетении наших рук-ног я лишь барахтаюсь, развалившись на мужском теле. А еще это дурацкая вода, бьющая прямо мне в лицо из перевернутой душевой лейки.

– Прошу... не двигайся, – сипло стонет над ухом Данил. – Еще одно движение – и я стану импотентом по твоей вине.

– А мне нравится эта идея, – злобно пыхчу и не прекращаю попытки выбраться отсюда.

– Боже... – Вместо баса слышу самый настоящий фальцет. Совершенно не стесняясь, Данил пристраивает свои ладони мне на талию.

– Отвали, – снова начинаю отбрыкиваться от его рук.

Но игнорируя мой недовольный писк, он легко подтягивает меня ближе к себе, одновременно приподнимаясь сам.

Наконец мы оба оказываемся в вертикальном положении. Вдыхаю воздух полной грудью так глубоко, что в глазах тут же темнеет, и мне приходится ухватиться за бортик ванны. Меня раскачивает в стороны, пока сердце совершает неритмичные прыжки под ребрами.

– Ты чего? – через шум в ушах слышу вопрос Данила, а его ладони, все еще лежащие у меня на талии, сжимаются крепче, не давая снова мне грохнуться на дно.

Пронизывающее тепло чужих рук еще больше обессиливает. Резко исчезнувший из крови адреналин не оставляет

ничего, кроме ощущений разбитости и слабости.

– Все нормально, – перевожу вдох-выдох и отодвигаюсь от Данила подальше. Только сделать это в тесной ванне оказывается невозможно.

Снова открываю глаза, попадая под настороженный взгляд. Данил и я до неприличия близко находимся друг напротив друга. Я замечаю, как скатываются с его лица капли, огибают пульсирующую вену на шее и исчезают под воротом футболки.

– Угомонилась? У тебя вся тушь потекла, – вдруг так спокойно усмехается Данил, а его ладонь тянется ко мне.

Я неосознанно вздрагиваю, когда мужские пальцы убирают прилипшие пряди со щеки, касаются ее и выводят на коже бессмысленную линию. Это слишком яркий контраст между прохладной водой, до сих пор поливающей нас откуда-то сбоку, и обжигающими подушечками пальцев. Я вижу, что взгляд Данила падает сначала на мои губы, а потом еще ниже.

Кадык на мужской шее тут же нервно дергается, а широкие скулы напрягаются от стиснутых зубов. Вслед за Данилом я опускаю глаза, и мне хватает секунды, чтобы загореться, как спичка, от стыда.

Моя практичная привычка носить белье без лишнего поролона и пуш-апа играет со мной злую шутку. Тонкая ткань белой футболки и еще более невесомое кружево под ней впитали в себя ровно столько воды, чтобыхватило максималь-

но вызываяще обтянуть мне грудь и соски, затвердевшие от незапланированных спа-процедур в прохладной воде.

Я вылетаю из ванны, забыв, что секунду назад у меня кружилась голова и ныло все тело. Чуть не рухнув носом вниз на скользкой плитке, кое-как хватаю пушистую махру. Обмотав ее вокруг себя, собираюсь вихрем рвануть из ванной комнаты, только вот с трудом стою на трясущихся ногах. Теперь мне точно хочется сжаться в комок и спрятаться от чужих глаз.

– Аля... – Ровный, низкий голос за спиной срывается, как поводок. Я дергаюсь, застывая на месте.

– Что? – Шепчу на выдохе и медленно оборачиваюсь на свое имя.

Данил все еще сидит в ванне, опершись локтями о ее борт. Такой же насквозь промокший, а потемневшие от влаги пряди русых волос обрамляют напряженные скулы. Он сжимает пальцы в замок так крепко, что видно, как играют жилы на мускулистых руках.

– Я не съеду отсюда по собственной воле. Идти мне некуда, так что можешь и не пытаться, – он произносит это так спокойно, смотря в мои глаза стеклянным, пустым взглядом.

Во мне что-то обрывается и в ответ на это чувство я лишь шумно выдыхаю. Желая спрятаться от него куда подальше, делаю шаг из ванной и холодно бросаю через плечо:

– Мне плевать на тебя и твои проблемы. Уберись на кухне сейчас же или я сброшу фотоотчет Кристине.

Глава 9

– Откуда синяк? – Аня подозрительно косится на мой локоть, оголенный подкатанным рукавом бежевой толстовки.

– Неудачный поход в душ, – бурчу я и машинально обхватываю ладонью место удара.

Перед глазами почему-то всплывает тот самый момент двухдневной давности, когда пальцы Данила дотронулись до моего лица, а звуки фонтана перед входом в консерваторию и «голоса» машин в пробке на проспекте за нашими спинами на мгновения становятся белым шумом. Непонятно откуда взявшиеся мурашки сыплются от груди куда-то вниз живота.

А Анька щелкает пальцами перед моими глазами.

– Что? – Вздрагиваю, непонимающе смотрю на подругу и шурю от полуденного солнца.

Аня подозрительно ухмыляется, делает глоток чая из пластикового стаканчика и вальяжно вытягивает перед собой ноги, удобнее устроившись на лавочке.

– Я интересуюсь, не он ли там поколачивает тебя, случайно?

– Кто? Данил? – зачем-то переспрашиваю, хотя прекрасно понимаю о чем вопрос.

– Ты странная... – Анька улыбается и сдвигает с белокурой макушки очки-авиаторы на нос.

На ее замечание я тут же недовольно хмурюсь и, не визи-

рая, что на улице беспощадно тепло и ярко светит сентябрьское солнце, накидываю капюшон толстовки на голову. Я действительно уже несколько ночей подряд жутко плохо сплю. На уютной широкой кровати вдруг стала ощущать себя, как принцесса на горошине. Все вроде так, но не так. Нет, я не прислушиваюсь к шорохам и не боюсь, что начнутся посягательства со стороны моего новоиспеченного соседа. Но и чувствовать себя комфортно на одной с ним территории не могу. Иногда меня просто начинает знобить от какого-то нехорошего стука сердца в груди. И неважно где я нахожусь: на учебе или дома.

«Идти мне некуда...» – эти слова и тот неживой взгляд так и мелькают в мыслях.

Некуда идти? Только вот Данила нет дома уже больше суток. В этот же вечер после нашего «аквапарка» в ванной, я услышала, как хлопнула входная дверь. Единожды. Второго хлопка не было и по сегодняшнее утро. Но если и в этот раз Данил вернется пьяный, то вряд ли его не ночёвки дома связаны с работой. Или это очень оригинальный способ заработка.

– Он странный... – неожиданно вырывается у меня вслух.

– Почему ты так решила? – Аня заинтересовано придвигается ближе ко мне и даже не спрашивает, о ком идет речь. Как будто заранее знает.

– Он непохож на человека, который нуждается в деньгах, но в то же самое время ведет себя именно так, – я сосредото-

точно гипнотизирую блики воды в фонтанчике и постукиваю носком ботинка по тротуарной плитке.

Подруга молчит, намекая, что ждет дальнейших объяснений. Мне дико неловко делиться своими наблюдениями за те краткие встречи с Данилом то в коридоре, то в гостиной. А еще не очень хочется признаваться, что за время отсутствия соседа в квартире, я одним глазком, но заглянула в его комнату.

– Короче, – вздыхаю и набираюсь смелости выдать, все, что крутится на языке, – Кристина обмолвилась, что у него какие-то проблемы, и, скорее всего, связаны они с деньгами, раз она разрешила ему пожить в квартире просто так. Но он шляется по дому в вещах с логотипами брендов, где только одна футболка стоит, как пять наших повышенных стипендий. Да у него даже парфюм за тридцать тысяч.

Подруга присвистывает так громко, что мимо проходящая компания парней оборачивается и начинает заигрывающее улюлюкать. Аня отвечает им, показав средний палец, а потом поднимает обратно очки на макушку. В кристально голубых глазах разыгрывается невероятный интерес.

– А это ты как узнала?

Мои щеки мигом становятся горячими, а обоняние решает поиздеваться надо мной: снова слышу этот пряный, дурманящий голову аромат.

– Увидела на полочке в ванной. Ввела название в интернете, – пряча взгляд в брызгах фонтана, честно и стыдливо

признаюсь Ане, чем занималась сегодня утром, пока чистила зубы. И все же решаю выдать ей вообще все карты своего мини расследования. – И еще... – лезу в карман толстовки за телефоном. – Я заглянула в социальные сети к Крис, а оттуда в аккаунт ее парня, и уже у Никиты нашла вот... – Парочка несложных нажатий пальцем по экрану и я протягиваю своей собеседнице мобильный. – Смотри.

Настороженно наблюдаю, как она внимательно изучает картинки в телефоне, а ее глаза округляются с каждой секундой все больше и больше. Усмехаюсь. Собственно моя реакция была примерно такой же.

– Даниил, значит. Офиге-е-еть, – тянет Анька, чуть ли не пожирая глазами экран моего сотового. – Да он, блин, накаченный красавчик, Аля!

– Боже, – шиплю и не удерживаюсь от негодующего возгласа, выхватывая гаджет. – Аня, ты не туда смотри! Смотри на то, что за пределами его кубиков пресса. Париж, Рим, Лондон, спортивные тачки, яхты, острова... Это же стандартный аккаунт мажора.

– Да, и ни одной фото с девушкой, кстати...

– При чем тут это! Последнее обновление фотографий было больше года назад. Я пролезла по его страничке от и до, но никаких толковых заметок. Только богатая жизнь. А сейчас Данил просится в квартиру к чужим людям, питается только самой дешевой замороженной пиццей из супермаркета. Да у него даже телефон нуунейм модель с разбитым экраном.

Выдохнув из себя все мысли, я замолкаю и выжидающе смотрю на нахмуренную Аню. От переизбытка эмоций мне становится так жарко, что я сдергиваю со своей головы капюшон и даже не спешу поправить, съехавший набок, небрежно заколотый пучок волос на затылке. Из недр консерватории слышится звонок на пару, но мы обе продолжаем сидеть на скамейке напротив фонтанчика.

– Может, ему просто надоела такая жизнь? Вкусить наших реалий захотелось. – Анька растерянно пожимает плечами.

– Ага, после лобстера на обед посреди океана приспичило поесть пельменей в типичной многоэтажке. Сама-то в это веришь? – Вопросающе выгибаю бровь.

– Расспроси о нем у Кристины, – предложение Ани звучит так просто и не заморочено, как будто кто-то и не помнит, что мы с ней толком и не общалась с нашего последнего разговора.

Лишь лаконичные переписки с одними и теми же вопросами-ответами: «Все нормально?», «Да». Мне почему-то кажется, что сейчас Кристина увлечена лишь ожиданием той самой голубой коробочки.

– Ты еще предложи спросить об этом у Данила, – хмыкаю и, язвительно искривив губы, вскакиваю с лавочки.

– А что? Заодно познакомишься поближе.

– Иди-ка ты, Аня, со своими советами... – качаю головой и, осуждающе поглядывая на подругу, пачусь в сторону дверей консерватории, – ... на пары.

До начала занятий у Граховского еще целый час. Спровадив Аню на пару по основам права и государственной культурной политики, бреду в еще пустующий репетиционный класс.

Небольшой зал с окнами в пол, завешанный плотными бархатными шторами цвета индиго встречает приятной тишиной и полумраком. Бросив сумку на подоконник, но вместо того, чтобы сесть за инструмент и размять пальцы перед полуторачасовой репетицией, я зачем-то выуживаю из кармана толстовки свой телефон. Несколько секунд просто пляжусь на темный экран, пытаюсь перебороть в себе щекочущее чувство любопытства.

«Мне это не нужно. Меня это не должно интересовать вообще...» – кручу в своей голове, как мантру, но только экран как-то сам собой перестает быть заблокированным.

А перед моими глазами снова яркими пятнами светятся картинки из чужой странички в сети. Я медленно прокручиваю ровные ряды фото, с которых на меня смотрит Данил, только какой-то совершенно другой. Притягивающий внимание, нагловатый, с живым блеском в глазах орехового цвета, широкой белоснежной улыбкой, идеально уложенными волосами, а не нынешним бардаком на голове... Куча подписчиков, лайков и комментариев. Путешествия и тусовки. Человек на фото точно счастлив и ловит кайф от каждого момента. Но это совсем не тот Данил, чей пустой взгляд еще

до сих пор держится в моей памяти.

«Идти мне некуда...» – вспоминаю его слова и даже не замечаю, как задумчиво искусываю себе губы.

Ну и куда же делась твоя роскошная жизнь, Данил?

Глава 10

Данил

Прижимаюсь лбом к двери и несколько раз с досадой впечатываю кулак о ее гладкую поверхность. Ни звука...

Кто бы сомневался, что Мальвина будет на своих гребанных парах отыгрывать долбаного Шопена или что там она играет... Да кому вообще нужен этот старинный, заунывный бред?

Снова ударяю кулаком по двери. Это не мой день. Собственно, как и прошлая ночь, да и вообще последний год... Я просто неудачник без копейки в кармане и потерянными где-то ключами от чужой, мать вашу, квартиры. Понятия не имею, где и в какой момент остался без них. Эту ночь я вообще помню плохо, но точно знаю, что, как только кэш оказался в моих руках, то все шло по накатанной: пожирающий азарт, долбящий адреналин, а потом...

В этот раз «потом» вылилось мне в очередное мерзкое чувство опустошения. И самое поганое, что я знаю, как и чем его заполнить, но не могу...

Мальвина, ну какого черта ты не дома?! Злюсь на девчонку до скрипа зубов! Правда, она-то и ни при чем, я просто устал злиться на самого себя...

Не отлипая головой от двери, достаю из кармана джинсовой куртки телефон. Кто бы сомневался, что он разряжен.

Хочу так же: отключиться от внешнего мира. Я едва держусь на ногах, а реальность уже путается в сознании. Больше суток без сна, и если не упаду на диван в ближайшее полчаса, то приму горизонтальное положение где угодно. И плевать, если это будет бетонный пол в подъезде или лавочка во дворе.

Еще несколько минут так и стою на лестничной клетке, «целую» лбом дверь, сжимая в руках мёртвый телефон. И что мне делать? Ждать, когда пианистка приплетется домой? В прошлый раз она вернулась точно на закате солнца. Нет, до этого момента я не доживу. Откуда мне знать, сколько эта барышня сегодня будет тренькать на клавишах в своей консерватории...

Консерватории...

Подсказываю на месте от неожиданно пришедший в мой раскисший мозг мысли. Точно. Альма-матер всех будущих Бахов страны ведь находится всего в десяти минутах ходьбы отсюда.

Я же могу просто выловить ее там и взять ключи. И походу это мой единственный шанс на то, чтобы максимум через час добраться до желанного дивана.

Уже через минуту я уверенно шагаю от дома Кристины в сторону консерватории. Весь центр города кишит звуками машин, стоящих в пробках, а узкие переулки забиты вылезшими на обеденный перерыв офисными клерками в пиджачках и рубашечках из огромного бизнес-центра «Верши-

на». Усмехаюсь и сильнее кутаюсь в свою куртку, прикрывая пыльные разводы на футболке.

Надо же... Какая ирония. Живу вот теперь рядом с этим... И даже не знаю, радоваться мне или нет, что так и не пополнил ряды топ-менеджеров, а ведь должен был.

Сентябрьское солнце неприятно ослепляет, вызывая ту-пую головную боль. Я лишь прибавляю своим ногам скорости, чтобы быстрее добраться до консерватории. Меня не смущает, что знаю только имя Мальвины. Я в таком вздернутом состоянии, что готов достать ключи от квартиры из самого пекла ада.

Оказавшись перед фонтанчиком напротив помпезного здания с массивными колоннами, на светло-розовом фасаде на всякий случай осматриваю лавочки. Вдруг все проще, чем мне кажется, и найду Мальвину прям здесь. Ищу ее знакомые черты в совершенно незнакомых мне людях, но не вижу ни длинной темно-каштановой россыпи волос по изящным плечам, ни миленького личика с точеными чертами.

Морщусь с досадным чувством, а подступающая к голове боль заставляет максимально собрать все свои остатки мозга, которые еще способны думать.

Я не хочу даже и предполагать, что Мальвины может и не быть на парах. Мне нужны ключи от дома. Срочно. Для этого я даже готов заваливаться в каждую аудиторию с допросом: «Где Альвина?». Но для этого надо попасть в здание консерватории и каким-то образом миновать долбанные турникеты

на входе.

Замечаю веселую компанию студентов, направляющуюся прямо к зданию. У большинства ребят через плечо подвешены какие-то громоздкие чехлы с инструментами. Меня посещает дурацкая, но пока единственная идея, как попасть внутрь рассадника музыкальных талантов.

С совершенно непринужденной походкой и с вдохновленным лицом, максимально выражающее любовь ко всему тому, что называется музыкой, вклиниваюсь в толпу этих чудиков, наперебой говорящих про какой-то предстоящий концерт. Подбираюсь в конец очереди, поближе к самому крупному пареньку с огромной байдой на плече, по форме напоминающей гигантскую скрипку.

Студенты, прикладывая пластиковые карточки к турникету, без проблем по очереди проходят дальше. А я жмусь к пухлому пареньку, словно имею виды на его обширный зад и проделываю то, что когда-то без труда выручало меня во время моего студенчества, если забывался пропуск. Как только карточка пухляка соприкасается с датчиком, прижимаюсь грудью к огромному футляру и просто толкаю парнишку, буквально навалившись на него. И-и-и... Бинго! Палка турникета легко переворачивается, пропуская нас обоих вперед, а бедный малый едва не летит носом к гранитному полу. Я успеваю схватить парня за его футляр, спасая от триумфального падения.

– Прости, чувак. Споткнулся, – искренне прошу прощения.

ния, а мысленно еще и благодарю его за такую нерасторопность. – Главное – твоя скрипка не пострадала.

Недовольно отряхиваясь, парень хмурит свое пухлое лицо и поднимает на меня взгляд:

– Вообще-то, это виолончель, – и тут же подозрительно щурится, осматривая меня с ног до головы. – А собственно какого...

– Слушай, а ты не знаешь где можно найти Альвину? – перебиваю его, пока он не начал задавать мне неудобные вопросы.

Да. Понимаю, что шансы найти ее прямо вот так с бухты-барахты равны нулю, но подобное имя – это не Маша или Катя. За мои двадцать три эта пианистка – первая знакомая с таким именем. И очень надеюсь, что единственная. Я готов услышать отрицательный ответ, но парень удивленно поднимает брови, огорошивая меня встречным вопросом:

– Мальчевскую, что ли?

Едва не присвистываю вслух от такого поворота нашего разговора. Что? Удача решила перестать показывать мне свой зад?

– Да... – неуверенно отвечаю, но тут же уверенно добавляю. – Пианистка.

– Ну, если она не на паре, то значит в малом зале. У нас репетиция через десять минут там, – отвечает пухляк, все еще смиряя меня внимательным взглядом. – Так, а ты как...

– Спасибо, бро! – кидаю уже через плечо парнишке, рас-

плываясь в показательно-благодарной улыбке. Этот «малый зал» найду и сам, а то кто-то явно хочет знать больше, чем ему положено.

Исчезнув в немногочисленной толпе студентов, прохожу широкий холл и сворачиваю в длинный светлый коридор первого этажа. Осталось за малым: отыскать какой-то там зал и надеяться, что, при зачислении девушек в консерваторию, имя Альвина не является первым обязательным пунктом.

То ли это святое место, то ли с меня снялось проклятье, которое мучает мою душеньку весь последний год, но дверь с весьма заметной вывеской «Малый зал» нахожу буквально за пару шагов по коридору. Без раздумий тяну тяжелое резное полотно на себя и осторожно делаю шаг вперёд. Слух улавливает фортепианную трель, но тут же утыкаюсь носом во что-то мягкое и жутко пахнущее пылью. Щупаю плотную ткань руками и понимаю, что какого-то хрена вход прикрыт еще и бархатными шторами. Готовый вот-вот чихнуть, отодвигаю занавеску, но дальше не шевелюсь, когда взглядом выхватываю в полумраке то, что заставляет замереть прямо на входе в объятиях пыльного куска ткани.

На небольшой сцене зала, очень напоминающий концертный, но только без рядов стульев, вижу за роялем девичью фигурку. Даже издали и в полумраке, я понимаю, что это она.

Мальвина.

Звуки, разливающиеся по залу, теперь не кажутся такими мерзкими, как в то похмельное утро. Но я и не слушаю, что она играет, потому что тупо смотрю, как она это делает. А точнее гипнотизирую. Взгляд прилипает к девочке за роялем.

Высоко собранные в пучок волосы на затылке демонстрируют вызывающе изящную шею, переходящую в гордо расправленные плечи и идеально ровную спину. Ее руки буквально парят над рядом черно-белых клавиш. Даже в несуразно широкой толстовке Мальвина за роялем смотрится так... Черт, да она что? Ведьма? Потому что нельзя вот так легко и просто извергать невероятный поток звуков из этой черной гробины с поднятой вверх крышкой с закрытыми, мать вашу, глазами.

Мальвина не смотрит на клавиши, по которым скользят ее пальцы. Она вообще никуда не смотрит. А просто сидит, слегка вздернув подбородок, прикрыв глаза и периодически покачивается в ритм мелодии.

Я, словно дурак, глазею на нее, стоя в проходе и глупо прячась за шторками. Каждая долбаная нота быстро начинает тормозить притихшую боль в моей башке. Но я мазохист, потому что не двигаюсь. Какое-то тянущее чувство в груди оказывается сильнее, чем волны головной боли бьющиеся изнутри о черепушку.

Сейчас Мальвина не похожа на ту, кто чуть не откусила мою руку, врезала мне пощечину и пыталась утопить в ду-

ше. Сейчас эта девчонка – дьявольская смесь изящности и незащитности.

Но, видимо, эти шторы никогда не стирали, потому что через некоторое время у меня начинает жутко свербеть в носу. А через секунду мой громогласный чих расходится по всему залу.

Черт! Альвина молниеносно подскакивает с места, а мне больше нет смысла прятаться. Чувствую себя просто идиотом, когда выпутываюсь из штор и выхожу вперед, показываясь Але на глаза.

Мы молча смотрим друг на друга какие-то краткие мгновения, пока взгляд Мальвины не распахивается настолько, что даже с другого конца зала я замечаю, как ошарашенно светятся ее огромные глаза. А еще я четко слышу, как с ее губ, вместе с прерывистым выдохом, слетает и мое имя:

– Данил?

Глава 11

– Данил? – хрипло выдыхаю его имя.

Произнести громче не получается. От неожиданности голосовые связки словно атрофируются. Я глазам своим не верю. В стенах консерватории можно увидеть кого угодно, разных творческих фриков, привыкаешь ко всему, но лицезреть Данила прямо на пороге репетиционного зала... К этому жизнь меня точно не готовила. А еще никто не предупреждал меня о том, что в свои двадцать с копеечкой лет буду делить жилплощадь с чужим и странным парнем.

– Привет, сосед, – Данил непринужденно разводит руками.

– Ты как здесь оказался? – делаю несколько широких шагов вперед, спускаясь со сцены, и не сжову взгляда с высокой фигуры, размах плеч которой загромождает весь проход в зал.

Я все еще не уверена в том, что вижу перед своими глазами. У меня нет никаких соображений, что заставило Данила появиться здесь и сейчас.

– Тут такое дело... – он лохматит широкой пятерней волосы на затылке и при этом как-то подозрительно отводит взор в сторону, а потом вздыхает, резко опуская руку, – мне нужны твои ключи от квартиры.

– Зачем? – настороженно замедляю шаг и хмуро сжову

брови к переносице. – А твои где?

– Потерял. – Данил растягивает губы в невинной улыбке. – Я напрямик пойду домой и никуда оттуда не денусь, так что можешь не переживать.

Чувствую, как начинает закипать мое спокойствие, которым я напилась за время отсутствия Данила в квартире. Набираю в легкие воздуха, чтобы высказать свое весьма неодобрительное мнение по этому поводу, но еще одного шага вперед хватает, чтобы проглотить свои же рвущиеся наружу слова. Потому что вижу перед собой дико уставшее лицо с измученными, абсолютно блеклыми глазами, окруженными четкими темными кругами. А я ведь видела Данила другим. Буквально этим утром, правда, на фотографиях в социальной сети.

Видимо, я слишком пристально рассматриваю своего соседа, потому что широкие брови на мужском лице приподнимаются в немом вопросе.

– Да, сейчас... Ключи в сумке, – бормочу себе под нос и иду к окну, на котором бросила свои вещи.

И ощущаю себя так неловко, когда спиной чувствую, как внимательно следят за моими движениями.

– И что? Даже не будет возмущений? Просто отдашь ключи? – усмехается Данил, пока я копаюсь в бездонной сумке в поисках.

– Если ты не явишься домой до того момента, когда я приду с репетиции, то пеняй на себя, – предупреждаю я.

Не буду же сообщать, что на самом деле меня дергает от любопытства, где же пропадало Его Величество, и что за это время периодически выжидающе поглядывала на входную дверь квартиры.

– Обещаю, что точно буду ждать тебя там.

– Ага, как верный пес...

– Гав, – низкий смех раздается так близко, что кожа у моего виска покрывается горячими мурашками.

Я подпрыгиваю на месте, роняю обратно сумку на окно и оборачиваюсь. А мое сердце подскакивает куда-то к горлу. И даже не знаю, отчего больше: то ли оттого, что испугалась, то ли потому, что вписываюсь телом в грудь Данила. Этот засранец подкрался ко мне так близко, что замечаю едва пробивающуюся щетину на широком подбородке.

Не понимаю, как он может до сих пор окружать себя ароматами своего парфюма, если его почти двое суток не было дома. Один вдох и этот аромат предательски липнет к кислороду в моих легких.

От прямого, прожигающего взгляда Данила начинает закипать кровь, становясь испариной на моей коже. Задержавшись на моем лице, его взгляд перескакивает куда-то за меня, а полные губы расплываются в довольной улыбке.

– О, вот и ключики. – Легко нарушая любые понятия о личных границах, Данил наклоняется вперед, сокращая расстояние между нашими лицами на мизерное.

Одновременно чувствую, как он заводит свои руки мне за

спину, начиная тянуться к брошенной на подоконнике сумке. Чувствую, как его дыхание касается моего лица и как мои ноги становятся пластилиновыми. Я не дышу, потому что моё тело напрочь забывает обо всех своих навыках, оставляя лишь один – дрожать.

Данил будто бы специально придавливает меня собой к краю подоконника, заставляя выгнуться назад. А еще я точно ощущаю, как он втягивает носом воздух возле моего лица, прежде чем нас оглушает тяжелый хлопок двери и гогот ввалившихся в зал моих коллег по репетиции.

С головы до ног меня прошибает не то холодной, не то жгучей волной, когда я понимаю, что я и Данил стоим, прижавшись друг к другу прямо на обозрение пары десятков любопытных глаз. Идеальная картинка для сплетен.

– Ой, а мы не вовремя, да? – слышу голос Аньки еще даже до того, как успеваю отпихнуть от себя слащаво лыбящегося Данила, приросшего к полу.

– Да... То есть нет... Мы не... – мямлю, пытаюсь собрать разбежавшиеся мысли в одно правильное место – в мозг.

Выдыхаю. По-дурацки поправляю пучок волос на голове, тру кончик носа, мну ладони, да и вообще, просто глупо топчусь на месте, не зная, куда себя деть. И не смотрю на Данила. А зачем? Его широкая улыбка и так вызывающе сияет даже в полумраке.

И если мне хочется испариться, то моя любопытная подруга уже тут как тут и с плохо скрываемым интересом

впивается, нет, жрет Данила взглядом.

– Привет, – приторно звенит ее голосок. – Я Аня. А ты Данил, да?

Я очень жалею, что подо мной не находится оркестровая яма. Сейчас мне там самое и место, потому что я слышу, как Данил язвительно усмехается. Теперь он будет думать, что я обсуждаю его с подругами. И несмотря на то, что это действительно так, но ему-то знать об этом необязательно.

– Угу. Данил.

Я недовольно кривлюсь и закатываю глаза, потому что его интонация – сплошная издевка.

– До свидания, Данил, у нас репетиция. – Нахожу в себе силы выпасть из стыдливого ступора и, спрятав взгляд от своего сожителя, разворачиваюсь и недвусмысленно толкаю Аньку куда-нибудь подальше. Разбор полетов я устрою ей потом!

Она поддается мне с явной неохотой, но я делаю лишь парочку шагов прочь, как слышу за спиной басистый оклик:

– Альвина.

Вдох-выдох. Поворот.

– Ну что? – Мой взгляд неизбежно сталкивается с нагловатым взглядом Данил. Боже, ну какая же у него самодовольная физиономия. Пускай и замученная.

– Так ты мне дашь или нет? – Очень громко и четко гремит на весь зал вопрос.

Пространство сразу же заполняется смешками присут-

ствующих. Извращенцы долбаные!

– Это про ключи, – шиплю я через зубы, как будто пытаюсь за что-то оправдаться.

Быстро подхожу к сумке, брошенной на подоконнике, и мне даже не приходится опять рыться в ней. Брелок от ключей просто торчит из ее заднего кармана.

– Вот, – небрежно пихаю их в руки Данила. – Чтобы прямо сейчас сделал дубликат. И если тебя не будет дома к пяти часам, придушу. Ясно? – предупреждая распахнув глаза, даю понять, что ни капельки не шучу.

Но его ладонь неожиданно обхватывает мне запястье и не дает шагнуть назад. Все нахальные огоньки в глазах Данила тухнут, меняясь на что-то искренне, заинтересованное.

– Слушай, – вполголоса произносит он и аккуратно, словно выжидая моей реакции, приближает обратно к себе, – как ты это делаешь?

Я не понимаю суть вопроса и, в первую очередь, потому что меня отвлекают теплые покалывания на коже там, где касаются его пальцы.

– Делаю что? – переспрашиваю то же полусшепотом.

Замечаю, как Данил опускает взгляд на мою ладонь, окольцованную его пальцами, и делаю то же самое: смотрю на наши совершенно непохожие руки. Моя узкая, прохладная, с жутко тонкими пальцами и его, широкая, горячая лапа с выступающими венами и множеством мелких, свежих царапин. Я озадаченно хмурюсь. Мне почему-то кажется, что

этого не было еще пару дней назад точно.

– Как ты занимаешься с закрытыми глазами? Ты не смотрела на руки, а они играли, – Данил так пристально рассматривает мою ладонь, словно пытается что-то найти на ней или в ней. А ей даже как-то слишком тепло в плену чужих пальцев.

Не могу сдерживать уголки губ на месте и позволяю ироничной ухмылке прикипеть к своему лицу. Значит, Данил наблюдал за мной здесь, пока я была за инструментом? Надо же... Как быстро он раскрыл все карты...

– Потому что я играю не руками. Я играю душой, – отвечаю на его вопрос искренне и мягко освобождаю свою ладонь из мужских рук.

Глава 12

– Реально? Все полы в квартире помыл с шампунем? – Аня хохочет и тут же давится сиплым кашлем.

– Да. Прямо все, – бурчу я и, скинув свою сумку на пол, плюхаюсь на ее кровать в тесной комнатке общежития.

Аня уже несколько дней сидит в общаге на больничном с простудой и не появляется в консерватории, поэтому я решила сама завалиться к ней в гости. И заодно хоть немного выдохнуть от обстановки в квартире Крис. Особенно после вчерашней большой стирки ламината средством для мытья посуды. Спасибо, Данил, убрался!

– Зато помог! А ты говорила, что он не убирает, – вставляет свои умные пять копеек Аня, продолжая расставлять печенье и конфеты на крошечный столик.

Я строю ей злую рожицу, не собираясь симпатизировать ее энтузиазму по этому поводу.

– Помог? – не сдерживаюсь и повышаю голос на Аню. – Теперь любая упавшая на пол капля воды превращается чуть ли не в пенную вечеринку. Я убить его хочу, правда! Глаза наглые выцарапать!

Слушая мои возмущения, подруга также спокойно усе-
лась на стул:

– А-а-ль... А что у вас там вообще происходит?

Я неожиданно теряюсь от ее вопроса, зависая в своих же

мыслях и ощущениях. Взлохматив и без того растрепанные волосы, лишь вздыхаю.

За время, как Данил переступил порог квартиры Кристины, я нахваталась столько эмоциональных качелей, что меня до тремора рук начинает пробирать лишь только от его милостного образа в голове.

«Придурок!»

«Истеричка!»

«Идиот!»

«Бешенная!»

Примерно так проходят наши совместные будни, когда Данил все-таки ночует дома. Во мне все больше растет уверенность, что я никогда не выйду замуж и не стану жить на одной территории с мужчиной. Теперь я понимаю о чем эти истории про лодки любви, разбитые о скалы быта. Носки, стульчак, брошенные где и как попало футболки, не помытые кружки от чая. На каждое свое чаепитие Данил берет новую чистую посудину, совершенно забывая, что можно просто помыть старую. И к моему приходу домой на кухне меня всегда ждет ровно десять гребаных грязных кружек. И каждой из них мне хочется лично стукнуть о его головешку.

А еще когда Его Блудное Величество возвращается с очередной ночной прогулки, то провод от моего инструмента чудесным образом исчезает ровно на время сна Данила. Единжды я все-таки набралась смелости и ворвалась к нему в комнату, пока он давил лицом диван. И да, нагло перерыла

все его брендовые шмотки, валяющиеся по разным углам, пока не услышала сонный голос из глубин подушек:

– Он в переднем кармане моих штанов, которые сейчас на мне. Можешь забрать. Я не против.

– Гад! – пинаю ни в чем неповинный диван и слышу довольное фырканье Данила из-под пледа. В штаны-то ему я точно не полезу!

Да, у меня есть наушники к моему фортепиано, но пользоваться ими ради удобства своего сожителя я не собираюсь. Еще чего! Как говорит Граховский, играть в наушниках Чайковского – это заставить бедного композитора в земле вертеться. Разве могу я так поступить в великом и неповторимым Петром Ильичем?

Так что пусть Данил слушает мои трехчасовые сюиты. Хотел жить на халяву? Получай!

Правда, не обходится, конечно, и без моих косяков. Но, честное слово, они непреднамеренные же! Поэтому когда пару дней назад, во время проигрывания мной сюиты, Данил ворвался ко мне комнату, размахивая моей нижней частью красного кружевного комплекта белья, я едва не свалилась с банкетки.

– Мальвина, твою мать! Какого черта?

– Откуда у тебя... это? – в ступоре смотрю на разъяренного соседа, у которого вот-вот пар из ушей хлынет.

– Это я хочу спросить, как вот это... – осторожно держа за тоненькие ленточки красные кружева, он размахивает ими

передо мной, – оказалось вместе с моими футболками?

Я продолжаю молча хлопать глазами и одновременно покрываться таким же цветом, как и мое белье. И ума приложить не могу о чем он и как так получилось... Видя мое недоумение, Данил вытаскивает вторую руку из-за спины, кидает на кровать две футболки милого розовенького цвета. А я уже догадываюсь, как так получилось и буквально загораюсь от стыда до засухи в горле.

– Видимо, забыла их достать из стиральной машинки вместе с остальными...

И я пылаю, как факел, не потому, что футболки Данила испорчены, а потому, что мое личное и интимное находится в его руках.

– С тебя две белых футболки, – отчеканивает он, – а это... – глазами осматривает мою вещичку у себя в руках, его полные губы очень медленно и ехидно растягиваются в улыбке, – кстати, очень даже милая штука, но я вот не люблю красное.

– Отдай, – шиплю через зубы и подрываюсь к Данилу, как с катапульты, совершая марш-бросок за своей кружевной частью гардероба. Выхватив то, что принадлежит мне, сразу прячу это в карман домашних штанов. – И вообще, они же не для тебя, чтобы тебе нравилось! – мои щеки все еще можно сравнить с температурой жерла вулкана.

– А-а-а, для парня? Сеете разврат и похоть на земле? – Данил наклоняется ко мне, одаривая таким пронзающим взгля-

дом, что теперь я не чувствую в себе ничего, кроме жара. Его глаза жгут меня заживо.

Вспыхиваю, делаю встречный шаг вперед, становясь буквально нос к носу с лицом Данила и, вскинув подбородок, выпаливаю:

– Да нет у меня парня! Отстань! Ясно? – Мои слова летят с языка на несколько тонов выше, чем надо.

А в ответ получаю лишь вид того, как Данил закусывает нижнюю губу, а его нахальный изучающий взгляд, очерчивает меня с головы до ног. Хмыкнув, мой сосед просто исчезает из моей спальни.

И самое ужасное, что где-то в бесконечном потоке эмоций от наших мелких и не очень бытовых стычек, я не совсем хочу понимать и принимать тот факт, что бесит и раздражает меня Данил не только потому, что помыл полы средством для мытья посуды. Само его присутствие рядом порой вызывает мурашки по коже и натягивает мои нервы струной. Особенно, когда он вальяжно расхаживает полуголый по квартире в одних штанах, демонстрируя широкие плечи, рельефную грудь, вымощенный твердыми кубиками пресс и...

О Боже!

Да Данил вообще не имеет привычки ходить по дому в футболках. Как и заниматься спортом на своей территории, а не там, где я обычно завтракаю. Каждое его утро начинается с сотни отжиманий и упражнений на пресс прямо посреди гостиной и точно напротив обеденного стола.

В первый день такого спортивного спектакля я замираю над столом с чайником в руках.

– Ты ничего не перепутал? – оторопело глазею на происходящее.

Мой сосед лишь отрицательно мотает головой и напряженно пыхтит:

– В комнате нет места. Я там не помещаюсь среди коробок.

И продолжает легко поднимать-опускать свой торс, напоминая по форме чётко перевернутый треугольник на руках. От каждого движения на них вздымаются жилы, а вычерченные мышцы спины словно наливаются сталью, делая ее рельеф более заметным.

А если честно и кратко, то след от ожога кипятком до сих пор красуется на моей левой руке, как знак напоминания о том, что нужно смотреть себе под нос, а не куда-то еще.

Мало того, меня до бессонницы преследует ощущение, что в квартире нет никаких других ароматов и запахов, кроме парфюма Данила. Я понимаю, что это невозможно, но кажется, что пропиталась насквозь этими грубыми пряными молекулами. Шаг в дом – дышу ими, шаг из дома – ничего не меняется.

Даже когда Данил не ночует в квартире, в комнатах завесой стоит аромат его парфюма. И сегодня вечером я точно забуду об объявленном бойкоте Крис и наберу ей. Она говорила что-то про несколько недель. И эти недели уже на фи-

нишной прямой. Я хочу знать, когда съедет Данил. Потому что уже плохо сплю и отвратительно ем. Хочу, чтобы скорее все стало как раньше: я, тишина комнат и никаких лишних, нагло улыбающихся, глаз. Особенно как сегодня утром.

Я всего лишь наклонилась поправить замочек на ботинке перед тем уходом на пары, как низкий, сонный голос заставил замереть меня прямо в форме «буквы зю».

– Мальвина, а у тебя стрелка на колготках.

В этой же скрюченной позе я медленно поднимаю взгляд, готовясь нелестно в очередной раз высказаться по поводу Мальвины, но слова теряются где-то на подходе, потому что замечаю перед собой сначала мускулистые волосатые ноги, а потом уже и... Вот черт! Черные боксеры, обтягивающие узкие бедра, недвусмысленно бугрятся прямо там... где исчезает ровная дорожка темных волос, идущая точно под резинку белья. Причем бугрятся так массивно, что ткань буквально липнет к каждому мужскому сантиметру, не скрывая вызывающе длинных форм.

Мое тело мигом немеет, особенно где-то в районе низа живота, а Данил просто стоит подперев голым плечом дверной косяк своей спальни, скрестив руки на груди. Взлохмаченный, сонный, улыбается и глазами, и губами. А его хамоватая широкоскулая морда светится еще сильнее, когда он замечает, куда уткнулись мои глаза и отчего алеют мои щеки.

– Ты... Ты нормальный? Одеться слабо? – мямлю я и, наконец, выпрямляюсь, нервно одергивая плотную джинсовую

юбку, надетую под свободный свитер.

Данил спокойно пожимает плечами и медленно дефилирует мимо меня в сторону ванной.

– Я здоровый половозрелый мужчина, а это мое доброе утро. Кстати, – прежде, чем скрыться за ее дверью, улыбается еще шире, демонстрируя ряд белоснежных зубов, – и тебе доброго утра!

Из дома я вышмыгиваю за секунду, даже не убедившись есть ли на самом деле стрелка на колготках. Нет, я не ханжа, не невинная девочка и в курсе про утреннюю эрекцию, но все происходящее со мной в этой квартире слишком часто бьет по эмоциям. Мне некомфортно, мне непривычно. Данил не знает или не хочет чувствовать мои личные границы, в которые он все чаще врывается без стука и приглашения. А еще я хочу думать на репетициях о Чайковском и аллегро*, а не...

– Так ты мне ответишь или нет? – уже требовательнее повторяет вопрос подруга, выдергивая меня к себе.

– Ничего не происходит. Жду, когда Данил съедет. Кристина обещала пару недель... Я ей все-таки напишу сегодня.

– Ну-ну, – с явным недоверием хмыкает Аня. – А, по-моему, ты чего-то не договариваешь... Ты нервная, рассеянная. В общем чате группы писали, что Граховский на репетиции тебя сегодня чуть ли не четвертовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.